
Г.

А.

Х.

Н.

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ

8—9

МОСКВА

1927/28

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

БЮЛЛЕТЕНЬ

Г. А. Х. Н.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМИИ
ПРОФ. А. А. СИДОРОВА

8—9

Печатается по распоряжению
Ученого Совета Г. А. Х. Н.
Ученый Секретарь
Проф. *А. А. Сидоров*

Редакция выпуска закончена 1 октября 1927

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ОТЧЕТО НАУЧНОЙ РАБОТЕ Г.А.Х.Н. I—VI 1927:

	<i>Стр.</i>
Социологическое отделение.. .. .	5
Физико-психологическое отделение	7
Философское отделение	17
Литературная секция	24
Секция пространственных искусств	32
Секция декоративных искусств	42
Музыкальная секция	45
Театральная секция	49
Кино-кабинет	55
Отдел по изучению искусства национальностей СССР	58
Библиологический отдел	61
Психо-физическая лаборатория	67
Хореологическая лаборатория	71
Научно-показательная часть	75

ПРИЛОЖЕНИЕ:

А. В. Г о л д о б и н — некролог	77
Организация Кино-музея при ГАХН	78

Социологическое отделение

На пленарных заседаниях отделения за второе полугодие 1926/27 ак. года были заслушаны следующие доклады:

Приехавший из Баку В. М. Зуммер в обширном докладе (1/II) „Эскизы стенописи А. Иванова, идеология и стилистика“—подвел итоги своих многолетних работ над творчеством А. Иванова.

Интересную попытку комплексного изучения стиля представлял доклад В. С. Нечаевой (25/II): „Молодой Достоевский и Федотов“. Доклад вызвал оживленный обмен мнений как по поводу фонетических положений автора, так и, в особенности, в методологической своей части. Также большим интересом был отмечен доклад Г. М. Когана (21/III и 30/III): „Французская клавесинная музыка XVII—XVIII вв. с точки зрения социологии“ и прения по нему, занявшие два заседания. Доклад был построен как бы в параллель и в дополнение известной работы Плеханова*). Наконец, следует упомянуть доклады: И. Н. Кубикова (4/IV) — „Лубочный роман о разбойнике Чуркине и его читатели“ и Б. С. Чернышева (16/V) — „Аристофан в свете мифа и социальной действительности“. Работой пленума руководила председатель отделения Л. И. Аксельрод.

В Комиссии по изучению революционного искусства были заслушаны доклады: М. П. Сокольникова: „Промышленная буржуазия центрального района в изображении забытых поэтов и беллетристов“; Н. М. Черемухиной: „Сюжет и форма в плакате 1918—21 гг.“; Н. Н. Захарова-Мэнского: „Поэзия пролетарская, крестьянская и попутническая в 1926 году“; З. И. Добровольской „Творчество И. Бабеля“; В. В. Гольцева: „Творчество В. Шишкова“ и Л. А. Субботина: „Деревенский театр Октябрьской эпохи“. Работой руководил действительный член отделения И. Н. Кубиков.

Комиссия по социологическому изучению литературы продолжала свою работу по изучению русской новеллы 80-х гг. Здесь были заслушаны доклады: В. Л. Львова-Рогачевского — „Жизнь и творчество Н. О. Новодворского в связи с эпохой восьмидесятых гг.“ и И. С. Ежова, — „Литературные взгляды А. П. Чехова“.

*) „Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии“.

Во второй половине академического года руководителем комиссии В. Ф. Переверзевым была организована работа над проблемой социологической поэтики. Начало ее выразилось в докладах Н. Г. Поспелова: „Теория генетического исследования поэтических произведений“ и И. М. Беспалова: „Смена литературных стилей“. Вне плана был заслушан доклад С. Н. Дурылина: „Социальное окружение молодого Гоголя“.

Кроме того, 1 мая, в день всемирного праздника пролетариата, Социологическим отделением, совместно с Научно-показательной частью, был устроен вечер, на котором с докладами выступали: Л. И. Аксельрод: „Философский смысл 1 мая“, И. Н. Кубиков: „Рабочее движение в дни 1 мая и его изображение в художественной литературе“ и П. Н. Сакулин: „Социальная утопия В. Одоевского“.

Комиссия по социологическому изучению нового русского искусства продолжала свою работу над картотеккой по передвижничеству и сборником об искусстве передвижников. Здесь были заслушаны статьи: С. Н. Дурылина, Н. М. Черемухиной, М. С. Урениус, А. И. Михайлова и Л. В. Розенталь. Кроме того был заслушан принципиальный доклад А. А. Федорова-Давыдова: „О стиле В. И. Сурикова и его месте в эволюции новой русской живописи“.

Кабинет революционной литературы продолжал работу по составлению „Био-библиографического словаря русских писателей революционной эпохи“. Первый том сдан в печать и идет работа по составлению и обсуждению статей для второго тома. Кроме того был заслушан общий доклад Р. С. Мандельштам „О принципах библиографирования критической литературы Октябрьской эпохи“.

Кабинет революционного искусства запада продолжал свою кабинетскую работу, заключающуюся в собирании книжного и изобразительного материала, его научной обработке и систематизации, и переписке с иностранными революционными деятелями искусства.

Отделение вело свою работу в контакте с другими ячейками ГАХН; ряд своих докладов ставило на совместных заседаниях с заинтересованной ячейкой и принимало само участие в заседании секций и отделений Академии.

Физико-психологическое отделение

В январе-марте на пленум Физико-психологического отделения было поставлено несколько докладов, которые имели целью научное освещение вопроса о детской художественной книге, как одной из наиболее актуальных проблем современности в области художественной культуры. Одно заседание было посвящено докладам Н. В. Чехова и А. К. Покровской на общую тему (18/1): „Очерк истории детской литературы с возникновения до 1855 г.“

Доклады дали ряд весьма ценных сведений по истории вопроса и остро поставили задачи, объем его разрешения, а также наметили некоторые способы практического выполнения.

Третьим докладом в круге той же общей темы, был доклад А. В. Бакушинского: „Современный иллюстратор детских книг“ (2/III и 9/III). Докладчиком были точно сформулированы, выведенные им из опытных наблюдений над детским творчеством и восприятием, принципы иллюстрирования. Эти принципы должны быть основаны на общей эволюции детской психики и эволюции художественного образа у ребенка. Доклад вызвал большой интерес и оживленный обмен мнений. Организационно было принято решение об образовании при Кабинете по изучению примитивного искусства и детского творчества ГАХН особой группы для всесторонней разработки принципов и задач иллюстрирования детской книги.

В феврале заслушан и обсужден доклад Н. Г. Александровой (1/II) на тему: „Теория Рудольфа Бодде и его взгляды на педагогическое значение ритма“. Доклад представлял краткое систематическое изложение взглядов на ритм Бодде и Далькроза; он вызвал оживленный обмен мнений.

Последний пленум отделения (16/III) был посвящен заслушиванию доклада Н. С. Познякова на тему: „Роль зеркальной симметрии и ее комбинаций в организации художественного движения“. Докладчик сопровождал свое изложение не только рисунками и диаграммами, но и живыми движениями, благодаря чему доклад был прослушан с особым интересом и вызвал большой обмен мнений, отражавший сочувственное отношение к докладу и его положениям.

В Комиссии изучения пространственных искусств Кабинета примитивного искусства за отчетный период прошло

12 заседаний. Из них: пять были посвящены вопросам художественного восприятия, три — докладу по детскому творчеству, одно — докладу по искусству национальностей, одно — методического и одно — организационного характера.

До образования специальной Комиссии по изучению слова в заседаниях кабинета проходили доклады по изучению языка. Так, 12/I был прочитан доклад С. И. Полевой-Сакович на тему: „Развитие языка ребенка в течение первых трех лет жизни (Эволюция звуковой и грамматической структуры речи)“. Докладчица дала отчет о наблюдениях над развитием речи своей девочки. Оппоненткой выступила Е. Ю. Шабад. Она указала на некоторое несовершенство записи, на желательность употребления транскрипции. Указала также докладчице имеющуюся литературу по вопросам изучения детской речи.

19/I, Г. И. Журиной и Н. И. Журиным был прочитан доклад о рисунках детей-бурят. Г. И. Журина касалась рисунков детей из русских школ Монголо-Бурятской республики и указывала на общность типичных черт развития рисунка русских и бурятских детей. Особенности национального творчества заметны лишь в сюжете, манере передавать хорошо знакомых животных, одежду утварь. Н. И. Журин демонстрировал рисунки учеников ламаистских монастырей, а также рисунок ламы-„иконописца“ и учителя. Интересна передача из поколения в поколение черт традиционного религиозного искусства.

В заседании 3/II обсуждались программы ГУС'а по изо для школ 2 ступ. Научно-педагогическая секция ГУС'а обратилась в Президиум ГАХН с просьбой делегировать сотрудника для разбора уже изданных и переработки для нового издания программ изо. Делегирована была Н. Сакулина. Ею же и зачитывалась в заседании комиссии резолюция по поводу изданных ГУС'ом программ для 2 ступ. Резолюция эта, после прений и внесения поправок, была принята всей комиссией и изложена в заседании ГУС'а. Основным достоинством программ было признано желание дать всестороннее пластическое развитие, взамен прежнего рисования, знакомство с материалами и техникой, знакомство с произведениями искусства. Основным недостатком программы является положенный в основу образовательный, а не воспитательный принцип, отсутствие культуры творческой воли. Кроме того изданные программы лишены стройной системы и написаны трудным, тяжелым языком.

Заседания 12/II, 19/II, 5/IV были посвящены выработке стандартов по исследованию художественного восприятия ребенка. В течение года велись ориентировочные опыты и были испробованы таблицы разного характера. Сюжетно-изобразительные таблицы были выработаны сотрудницами — Зедделер, Петровой, Журиной, Лабунской и Сакулиной и выполнены Журиной и Зонненштраль. Затем А. В. Бакушинским были предложены

таблицы геометрических тел, выполненные Зонненштраль, и таблицы пространственных схем, выполненные Журиной и Петровой.

Сотрудницами Флериной и Пospelовой велись опыты по восприятию плоскостной и объемной формы детьми-дошкольниками. Результаты своих ориентировочных опытов по восприятию формы на плоскости Е. А. Флериной изложила в докладах 11/V, 18/V. При этом были продемонстрированы таблицы сюжетных и геометрических форм, показанных детям. Опыты велись методом отбора и воспроизведения. Предварительные опыты позволили сделать уже некоторые наблюдения: легче воспринимается форма симметричная, простое ритмическое чередование, труднее — диагональные и крестообразные построения, еще труднее — сдвинутые. Ассоциация помогает восприятию, замкнутый ритм запоминается легче, чем открытый.

4/V Н. Пospelовой был прочитан доклад об исследовании конструктивного творчества детей — дошкольников. Наблюдения и опыты ведутся Н. П. Пospelовой в течение двух лет. Данный доклад является уже вторым отчетом о ходе работы (первый был сделан в первом полугодии 1926 г.). Докладчице удалось установить общую схему эволюции в развитии свободного творчества детей в их работах из дерева: от процессуальности к исканию беспредметных ритмических форм, появление случайных ассоциаций, сознательно-сюжетное творчество. Схема эта совпадает с путем развития детского рисунка. Докладчице не удалось еще выяснить взаимоотношение между развитием рисунка и конструктивного творчества у ребенка. В заключение Н. Пospelова делает предположение, что совпадение общих линий эволюции в разнообразном материале, у разного возраста людей объясняется существующей вне человеческой психики логикой форм. Последнее предположение находит возражение: А. В. Бакушинский утверждает, что эволюция форм вне эволюции психики — невозможна. Целостный психический поток состоит из отдельных автономных частей, один из них развивается богато, другие остаются в рудиментарном состоянии.

Заседания 13/IV и 8/VI были посвящены вопросам собирания материалов по детскому рисунку. А. В. Бакушинским были предложены тесты, включающие в себя ряд тем, могущих выявить всесторонне период и фазу творческого развития данного индивидуума. По этим тестам сотрудники комиссии должны были собирать материал во время летних месяцев в разных частях СССР.

В заседании I/VI Г. И. Журиной был прочитан доклад о сибирских и украинских пряниках, собранных ею летом 1926 года. Докладчица отметила в сибирских и украинских пряниках черты примитивного искусства: схематичность форм, декоративную разработку формы, декоративную раскраску. Наряду с этим — формы и раскраска примитивного натурализма

В конце доклада были продемонстрированы нарисованные формы народных пряников, раскрашенные детьми московских и украинских школ. Детская раскраска очень близка к народной. Доклад сопровождался выставкой пряников Сибири и Черниговщины, собранных Журиной, а также пряников Киевщины и Твери, собранных Сакулиной; Брянска, Рязани, Москвы, собранных О. Н. Петровой. А. В. Филиппов демонстрировал зарисовки пряников, собранных им в Курской губернии.

Помимо заседаний с докладами, в кабинете шла работа по классификации имеющегося материала и беседы по вопросам художественной методики. Два раза в неделю кабинет был открыт для справок и консультации по изучению творчества детей и художественному воспитанию.

За отчетное полугодие Комиссия по изучению художественного восприятия продолжала начатую в 1926 г. работу по изучению художественного восприятия природы. Был заслушан доклад (17/І) члена комиссии И. Н. Дьякова: «Интуитивная эстетика природы Кнута Гамсуна».

Другая часть работы комиссии была посвящена вопросу по изучению художественного восприятия массового зрителя в художественных музеях. Для этого была установлена связь с Третьяковской галереей и были заслушаны два доклада ее сотрудника — Л. В. Розенталя: 1. «Об изучении музейного зрителя» (1/ІV); 2. «Учет восприятия картины музейным зрителем» (15/ІV). Оба эти доклада были сделаны в совместных заседаниях с Комиссией по изучению художественного творчества и в присутствии практических работников Третьяковской галереи — руководителей художественных экскурсий.

Наконец, совместно с Комиссией по изучению восприятия пространства был заслушан и обсужден доклад О. И. Никифоровой: «О восприятии композиции в живописи и о постановке экспериментального изучения проблемы ее объективности» (12/V).

В Комиссии по изучению художественного творчества 28/І состоялось заседание с докладом Г. И. Чулкова: „Автоматические записи Вл. Соловьева“. Г. И. Чулков продемонстрировал автографы медиумического письма Соловьева и представил анализ данных записей. Докладчик пытался сопоставить психологическую раздвоенность поэтического опыта Соловьева с расщепленностью его сознания, обнаружившейся в его автоматизме. В прениях было обращено внимание на необходимость точного, научного обследования элементов автоматизма и указано на то, что некоторые из приведенных записей сомнительны, как образцы автоматического письма.

1/ІV состоялось совместное заседание с Комиссией по изучению восприятия, на котором был заслушан упомянутый выше доклад Л. В. Розенталя: „Об изучении музейного зрителя“.

Докладчик сообщил об опыте учета эстетических восприятий у посетителей Третьяковской галереи. Учет восприятия картин производился путем опроса музейного зрителя о том, какие из ряда показанных картин, по его мнению, достойны быть отмеченными. В прениях было указано на недостаточность разработки методики. Основной вопрос, предлагавшийся руководителям, отличается слишком большой неопределенностью. Недостатком является и то, что не применялся индивидуальный опрос. Указывалось и на то, что материал для обследования должен быть, как можно более, ограничен в целях более четкого методологического подхода.

8/IV был прочитан доклад Л. Я. Гуревич: „Творчество актера по Станиславскому“ Л. Я. Гуревич изложила концепцию творческого пути актера, как он изображается Станиславским, начиная с простого исполнительства. В прениях указывалось, что, помимо систематического изложения концепции творчества актера по книге Станиславского, было бы интересно детально разработать и проверить все специальные соображения Станиславского об отдельных приемах творчества как актерского, так и режиссерского искусства.

15/IV Л. В. Розенталь на совместном заседании с Комиссией по изучению художественного восприятия прочел доклад: „Учет восприятия картины музейным зрителем“, явившийся дополнением к докладу 1 апреля. В оживленных прениях оппоненты продолжали настаивать на недостаточной проработке методологических принципов.

6/V был заслушан доклад А. В. Бакушинского на тему: „Некоторые особенности творчества Серова в последнем периоде его жизни“. А. В. Бакушинский проанализировал композиционное развитие мотива шествия, начиная с эскиза „Похороны Баумана“ 1905 г. Этот период характеризуется несомненным поворотом художника от концепции импрессионизма к поискам монументальных форм и символической выразительности. Второй мотив шествия появляется у Серова в 1907 г. в картине „Петр I“. Здесь выявлены не переживания массового действия, а апофеоз личного начала. Идея торжественного шествия с изображением жесткого утверждения титанической воли возникает у Серова во время жестокой и беспощадной реакции, наступившей после революционной волны. Третий мотив шествия у Серова докладчик проследил на ряде эскизов в „Навзикае“, появившихся после поездки Серова в Грецию.

20/V—доклад Г. И. Челпанова: „Механизм творческой мысли“. Взгляд докладчика сводится к следующему: художественное вдохновение до сих пор обыкновенно объясняли творчеством подсознательного. Современная психология мышления исходит из предположения, что между элементарными процессами творческой мысли и высшими процессами нет существенного

различия. Открытие является результатом т. н. случайно обусловленной абстракции, проявляющейся когда какое-либо переживание сильно персеверировало и в зависимости от этого многократно возвращается.

27/V состоялся доклад В. Н. Ланиной на тему о фантазирующем мышлении. При разрешении задачи выявить своеобразие и установить отличительные признаки фантазирующего мышления, как исходный материал, была взята работа Warendonk'a „Über das vorbewusste phantasierende Denken“. Была дана характеристика предсознательного мышления и тех скачков, которые обуславливаются галлюцинаторными воспоминаниями. В прениях было указано на плодотворность позиции Варендонка, для которого фантазия не соотнесена лишь с образами, а представляет собой особую сферу мышления.

Группа по изучению художественного творчества душевно-больных обработала вновь полученный художественный материал, часть которого послужила темой, в январе, для доклада В. Н. Иваницкой-Мурузи (17/I): „Художница N“ (циклотимическая конституция характера и творчества). Докладчица дала краткие аналитические сведения о творчестве, позволяющем отметить ряд типичных психологических признаков и связей с искусством прошлого.

В январе же был заслушан доклад П. И. Карпова на тему: „Гениальность и паранояльное творчество“. Параноя является сравнительно редким заболеванием, но это заболевание в высокой степени интересно, так как бредовые идеи проявляются на фоне ясного сознания и ориентировки, при этом способности больного в области его специальных знаний не понижаются; с течением времени больные нередко приспособляются к жизни и научаются скрывать свои бредовые идеи, так как последние создают для больного конфликты в повседневной жизни. Данное заболевание представляет большой интерес в том отношении, что у больного могут внезапно открыться творческие родники, благодаря которым больные могут создавать высокие художественные ценности, бывают и такие случаи, когда обыкновенный человек в период заболевания становится гением, он получает возможность создавать гениальные ценности в областях, к которым он раньше не проявлял никакого интереса.

В январе же месяце сделала обширный доклад (13/I) В. П. Дитиненко на тему: „Творчество юного композитора Тараса N“. Описан юноша 13-ти лет, у которого музыкальное творчество стало проявляться с 8-летнего возраста; в настоящее время он является признанным творцом-музыкантом, имеющим большое количество законченных музыкальных произведений. Весьма интересные явления наблюдаются у этого юноши в отношении цветного слуха: его цветные зарисовки и музыкальные ком-

позиции на эти темы, несомненно, представляют большой интерес.

Второй темой в феврале был доклад В. Е. Беклемишевой (14/II): „Вторая действительность“ (литературное произведение, как отображение разрыва между сознанием и подсознанием); докладчица разобрала, с точки зрения психологии творчества, произведение Л. Андреева „Черные маски“, в которых автор дал множественность своих сознаний и их сосуществований; действующие лица произведений становились для Леонида Андреева реальностью, которую он изживал сам в себе.

В феврале же сделала доклад Н. М. Костомарова (28/II) на тему: „Личность и творчество А. А. Иванова“. Докладчица дала полную и убедительную психологическую характеристику художника, отнеся его к типам с циклотимической конституцией. Докладчица разделила творческое развитие Иванова на ряд этапов, остановившись подробно на его произведении „Явление Христа народу“, многочисленные этюды к которой свидетельствуют об упорной интеллектуальной работе, проделанной автором прежде, чем выкристаллизовывалось произведение в целом.

В марте месяце был заслушан и обсужден доклад П. Д. Меренко (14/III): „Исаак Ньютон и его творчество“. Работы комиссии убедили ее членов в том, что творческий процесс протекает одинаково как у творца-художника, так и у творца-ученого. Для большей обоснованности данного положения докладчица проработала литературные данные, относящиеся к жизни и деятельности Ньютона; этот материал убедил в том, что Ньютон должен быть отнесен к типам с циклотимической конституцией. Доклад прослушан с большим интересом и оказался весьма доказательным по своей проработке. В марте же был заслушан доклад Т. К. Буйневич (21/III) в память умерш. д-ра Е. П. Маевской, постоянно, в течение 2-х лет, посещавшей заседания комиссии.

Заслушан также доклад Д. М. Зуева-Инсарова (21/III) на тему: „Почерк и человек“. Докладчик дал любопытные и обоснованные данные, легшие в основу характеристики человеческого почерка.

В мартовском заседании комиссии А. М. Сац (28/III) сделала доклад на тему: „Творчество современного композитора-циклотимика,отягченное наследственным алкоголизмом“. А. М. Сац весьма образно и убедительно доказала правильность ее оценки болезненного состояния описываемого композитора, творческая работа которого нередко прерывалась длительными периодами депрессивного состояния, когда творец злоупотреблял алкоголем. Его произведения в полной мере подтверждают психологические обоснования доклада.

В апреле (11/IV) заслушан и обсужден доклад С. А. Стороженко на тему: „Творчество художника N“, который в насто-

ящее время лечится в одной из психиатрических б-ц от основной болезни—циклотимии, в первых выступлениях подавал большие надежды; болезненный процесс, выливающийся в форму затяжной депрессии, лишал художника возможности производить длительную систематическую работу, благодаря чему его полотна за последнее время приобрели признаки детской, несовершенной работы.

В мае О. С. Захарова прочла доклад (9/X) на тему: „Творческая личность Пювиса де-Шаванна“. Докладчица проработала материал как литературный, так и художественный и внесла в свою работу не только систему в разрозненные данные, но сообщила новые данные о творчестве де-Шаванна, благодаря чему художник выявился в новом освещении с яркими циклотимическими чертами.

Заслушан и обсужден доклад (16/V) П. И. Карпова: „Психологическая ценность древне-русского искусства“. Докладчик противопоставляет допетровский и послепетровский периоды развития русского искусства, стремясь характеризовать психологические особенности того и другого и объяснить эмоциональную травму народа, болезненно воспринявшего отрыв искусства от его прежних традиций.

Экспериментальная работа Комиссии по экспериментальному изучению ритма за 1925/26 год дала возможность установить связь переживания ритма с интеллектом и волей, как регулируемыми факторами— с одной стороны, и эмоциями (чувство внутренней уравновешенности)— с другой. Необходимость постановки новых экспериментов для дальнейшего выяснения психологии природы ритма заставила комиссию остановиться на подготовительных теоретических работах. С этой целью Комиссия по изучению ритма во вторую половину 1926/27 акад. года продолжала теоретическую работу, начатую в предыдущем полугодии. Состоялись доклады: Н. Г. Александровой (20/I) на темы: 1. „О интернациональном конгрессе ритма в Женеве“. 2. „О системе Далькроза в Германии“. 3. „Теория ритма Рудольфа Бодэ“. Доклад О. А. Казанли-Быстрицкой (6/V) на тему: „Экспериментальное исследование ритма Этлингера“.

Идя навстречу общественным запросам, связанным (в области педагогики) с проблемой ритма, комиссия расширила свою работу, и по этим соображениям был заслушан и обсужден доклад (5/V) Чекурулткуш на тему: „Подвижное равновесие, как метод художественного воспитания“. В докладе излагалось то понимание ритма, которое было положено докладчицей в основу ее практической работы с детьми и взрослыми (в рабочих клубах) в Киеве.

В текущем полугодии в Комиссии по изучению восприятия пространства состоялось восемь научных заседаний.

Доклады были следующие: А. М. Орлова (27/1) — „Восприятие пропорциональных отношений в области пространственных величин“. Проблема сравнения пропорций есть актуальная проблема теории эстетического восприятия. Два важных эстетических принципа — единство и множество, связаны с повторением тех же или различных пропорций в целом и частях художественного произведения. Процесс сравнения пропорций можно не считать принципиально отличным от процесса сравнения простых величин; для объяснения его приложимо понятие „установки“ на пропорцию.

Н. П. Ферстер (17/II) — „Взаимоотношение зрительных и двигательных моментов при восприятии пространственных форм“. Эта проблема связана с вопросом о творчестве скульптора и живописца. Предваряющим опытным методом, ведущим к решению этой проблемы, можно считать метод обведения рисунка, отраженного в зеркале; подсобным методом может служить метод обведения рисунка с закрытыми глазами, дополненных зрительным узнаванием рисунка. В первом случае совершенно исключаются как зрительные восприятия, так и зрительные представления, соответствующие рисунку; во втором случае отсутствуют зрительные восприятия. Оба метода доказывают полнейшую необходимость зрительных образов при ориентировке в направлении движений их в какую-либо форму.

Н. Ю. Говсева (3/III): „Восприятие фигуры и фона“. Из двух граничащих друг с другом полей разного цвета одно поле воспринимается — как фигура, а другое — как фон, при чем одно и то же поле выглядит иначе, смотря по тому, является ли оно в данный момент фигурой или фоном. — Дальнейшие доклады: О. И. Никифорова: „О восприятии композиции в живописи и о постановке экспериментального изучения проблемы его объективности“. В процессе восприятия композиции намечаются 3 стадии: 1) первичное восприятие, 2) определение образа композиции, 3) выделение линий, развертывающих содержание образа композиции. Определенной композиционной схемы первая стадия не содержит. Она получается лишь в конце процесса, при чем ее содержание определяется во второй стадии той точкой зрения, с какой рассматривал картину испытуемый. Н. А. Черникова (6/IV): „Психологическое объяснение прекрасного в искусстве“. На почве экспериментальной психологии эстетическое переживание сводится к чувству удовольствия. Переживание удовольствия и неудовольствия, как явления качественного порядка, не столько зависят от интенсивной величины, сколько от формальных отношений соответствующего процесса, от внутреннего согласования или гармонии отношений. Т. Е. Карповцева (5/V): „Восприятие формы по Липпсу“. А. Н. Залеская (19/V): „Эстетическое воздействие простых геометрических фигур“.

А. В. Бакушинский (26/V): „Восприятие и построение пространства у Серова в некоторых композициях последнего периода его творчества“ (см. выше.).

За отчетный период основным направлением работы Комиссии по художественному воспитанию было изучение истории художественного воспитания и подготовка научных сборников, посвященных художественному воспитанию в античном мире и в эпоху Возрождения. Из 12 заседаний — 9 было посвящено заслушанию и обсуждению докладов, предназначенных для этих сборников. В результате работы сборник, посвященный античному миру, был закончен. Сборник этот включает следующие статьи: 1) Введение. 2) Эстетика в древней Греции (А. Ф. Лосева). 3) Эстетика и проблема художественного воспитания в философии Платона (И. П. Четвериков). 4) Художественно-педагогические воззрения Плутарха (С. И. Радцига). 5) Элементы художественного воспитания в греческих школах (Н. И. Новосадского). 6) Воспитание оратора в древней Греции (С. И. Радцига). 7) Художественное воспитание у Цицерона (Н. Ф. Дератани). 8) Художественное воспитание у Квинтилиана (Н. Ф. Дератани). 9) Эстетическая культура древнего Рима (А. А. Грушка). 10) Особенности художественного стиля искусства древнего Рима (Ф. А. Петровского).

Доклады, посвященные эпохе Возрождения, положили основание сборнику, окончание работы по которому относится на следующий академический год. Заслушаны и приняты были следующие доклады, частью находящиеся еще в доработке: 1) „Проблема художественного воспитания во французском Ренессансе“ (9/III) (Н. И. Радцига). 2) „Вопросы эстетического воспитания во французской реформации“ (18/V) (Н. И. Радцига). 3) „Об изучении художественного воспитания в итальянском Возрождении“ (25/V) (А. К. Живелегова). 4) „Вопросы художественного воспитания в социально-утопической литературе XVI и XVII в. в.“ (7/VI) (А. А. Фортунатова).

Параллельно с исторической работой, комиссия продолжала свою работу по проблеме художественного воспитания в современной постановке. (Однако, за отчетный период эта работа была временно сужена). Был заслушан доклад Н. И. Сац: „О восприятии музыки и выражении музыки в движении“. Книга Н. И. Сац на эту тему намечена для проработки в комиссии и для подготовки к печати.

Философское отделение

Во вторую половину 1926/27 ак. года Философское отделение продолжало выполнение своего плана.

Кроме многочисленных объединенных заседаний с разными ячейками ГАХН, 17/V состоялось пленарное заседание с докладом В. М. Экземплярского на тему: „Дифференциально-психологический подход к проблеме эстетики“. О данном докладе, бывшим общим выступлением Психо-физической лаборатории ГАХН, данные приведены в отчете последней ячейки.

Работа комиссий отделения развернулась в следующем виде:

Кроме организационных заседаний в Комиссии по изучению проблем художественной формы, состоялись 7 научных, где были заслушаны и обсуждены 5 докладов.

Доклад П. М. Якобсона (15/II) на тему: „Виды театрального знания“, доказывает, что эти знания не исчерпываются только научным знанием, но каждый особый вид отношения к театру, как к художественному предмету, являет собой особый вид (или тип) „театрального знания“. Докладчик наметил 4 типа театрального знания. В прениях по докладу было указано, что сама по себе такая постановка вопроса является и законной и плодотворной. Однако, в докладе не был показан спецификум театра, благодаря чему установленные виды знания можно применить не только к театру, но и к любому искусству.

В докладе Г. О. Винокура (8/III) на тему: „О возможности всеобщей грамматики герм. поэтики“, докладчиком установлено прежде всего понятие „всеобщей грамматики“. Это — не априорная наука и не философия языка, хотя и должна установить те грамматические формы, которые всем языкам общи. Однако, такая наука, по мнению докладчика, невозможна. Ее допущение покоится на ряде смешений и предполагает ряд ошибочных следствий. В частности, смешение „содержания“ и „значения“; отождествление „логического“ и „грамматического“; определение тропы, как простого „украшения“ и т. д. Кроме того, синтаксическое различие языков входит в них неотъемлемым образом так, что всеобщая грамматика возможна только по отношению к языку без синтаксиса. В прениях по докладу было отмечено, что докладчик взял на себя сравнительно легкую задачу критики обычных попыток построения всеобщей грамматики, докладчик действительно показал их неудачу, но идея всеобщей грамматики, как формальной дисциплины, явно отличной от философии языка, остается неопороченной. Признать ли ее априорной, или нет —

вопрос общий для всех наук онтологического типа. Для лингвистики и поэтики важно установить общие очертания такой науки.

В докладе Н. И. Жинкина (22/III и 5/IV) на тему: „Портретные формы“ докладчик поставил проблему портрета через исследование структуры соответствующих форм и, в частности, 1) форм изображаемого и 2) форм самого художественного образа. Докладчик утверждал, что на этом пути раскрывается содержание портрета и его спецификум. Что касается форм „изображаемого“, то здесь докладчик рассмотрел „вещные“ и собственно „личные“ формы изображаемого. В художественном образе все эти формы переплетаются и вступают в своеобразную игру друг с другом. В заключение доклада была дана примерная интерпретация отдельных типов портрета. В прениях по докладу было отмечено, что в построении доклада все-таки еще уцелел подход к искусству от „натуры“, тогда как нужно было бы исходить прямо только из чисто живописных форм. Тогда целый ряд вопросов оказался бы сложнее, но самое решение их более убедительным.

В докладе Б. Ю. Айхенвальда (29/III и 13/IV) на тему: „Строение словесного образа“ докладчик, понимая образ, как художественную форму, утверждал прежде всего несовпадение понятия образа с понятием тропа. Докладчик сводил понятие словесного образа на понятие смысловой формы слова. По его мнению, в строении образа чувственность не участвует. В дальнейшем он специфицировал понятие образа, как внутренней формы, указывая на игру выражаемых (собственно, логических) и выражающих смыслов и этих последних—между собой. Для образности необходимо „равновесие“ между двумя указанными слоями смысла. В прениях по докладу была признана ценность установки докладчика на анализ словесного образа, как смысла; однако, в резком подчеркивании только смыслового характера образа кроются и опасности. Первая из них касается недостаточной оценки роли чувственности в построении художественного образа. Вторая—происходит из не до конца проанализированного понятия предмета. Наконец, докладчику пришлось ввести понятие выражающего смысла, которое остается крайне неясным.

Доклад Г. И. Челпанова (20/V) на тему: „Механизм творческой мысли“ состоялся совместно с ФПСО.

Работа Комиссии по философии искусства во втором полугодии была посвящена, главным образом, проблеме портрета. Всего было прочтено в комиссии 8 докладов и состоялось 11 заседаний.

27/I— доклад А. А. Сидорова: „О портрете“ осветил богатый исторический материал, которым докладчик иллюстрировал свою основную мысль, что проблема сходства для портрета—несущественна; сходство заменяется портретной убедительностью.

Далее он исторически устанавливал разные типы портретов. В прениях по докладу было отмечено, что историческая эволюция портрета действительно дает нам право говорить об отдельных типах портрета, однако, построение общей теории портрета должно идти такими путями, на которых приобретались бы критерии для установления того, является ли портретом данное живописное произведение.

Доклад М. И. Кагана (2/II) на тему: „Стиль в природе“ поставил весьма интересную проблему об отношении искусства и природы. Докладчик считает, что искусство — только особый стиль и нередко, в тех или других своих проявлениях, приходящих к эстетизму, — стиль не „настоящий“. Подлинный стиль выражает эпическую полноту жизни, является непосредственным творческим явлением природы. Стиль должен рассматриваться глубже, чем это, обыкновенно, делается при формально эстетическом анализе, но и выход за эти пределы в область культуры тоже недостаточен, стиль понимается только на основе природы. Стиль по существу носит характер трагического. В прениях было высказано то мнение, что оценка роли культуры, которую дает докладчик при рассмотрении стиля, недостаточна. Культура полнее природы, она вбирает в себя природу и претворяет ее. Поэтому и „жизнь“, к которой постоянно прибегает докладчик, следует искать в ее культурно-социальном оформлении.

Доклад Т. И. Райнова (10/II и 15/II) на тему: „Проблема целого в научном познании и искусстве“ дал анализ характерного явления, заметного во всех решительно областях современной науки. Созревшая наука тяготеет к проблемам целого и пытается рассматривать отдельные явления в связи с понятием структуры. Докладчик подробно иллюстрировал это положение изложением новых идей в биологии, математике, физике и т. д.

В прениях по докладу было отмечено, что материал, привлеченный докладчиком, сам по себе очень разнообразен и интересен, однако, не везде убедительно доказывает наличие этой единой тенденции в различных науках.

Доклад Н. М. Тарабукина (17/II) на тему: „Портрет, как стилистическая форма“ нарисовал борьбу „изображения человеческого лица“, как своеобразного жанра искусства, и „портрета“, как категории стилистической, отражающей в себе сознание, поднявшееся до уровня самосознания. Соответственно этому, изображение человеческого лица, как вид изображения искусства, в различные эпохи принимает на себя различные стилистические формы. В прениях по докладу было отмечено, что за отдельными историческими данными доклада выступает ценное философское построение, с которым можно не соглашаться в отдельных частях, которое, однако, очень заманчиво и плодотворно.

Впрочем, недостаточно убедительно показано докладчиком, в какой мере его типология исчерпывает „все возможные формы изображения человека“ и „портрета“.

Доклад А. Г. Циреса (22/II и 3/III) на тему: „Язык портретного изображения“ разрешал антиномию полноты изображаемого в портрете: портрет — это или а) безграничная полнота жизни и истории личности, или б) лишь ничтожная часть этой полноты. Перечислив возможные слои изображенной личности, докладчик перешел к тем знакам, через которые эти слои раскрываются. Кроме трех основных видов портретного знака: 1) слова, 2) признака и 3) художественного намека, докладчик находит возможным говорить здесь, например, также и о „метафоре“. В прениях по докладу был отмечен особый интерес отдельных моментов анализа. Однако, спорным показался сам метод, каким шел докладчик. Если его доклад дает нам герменевтику портрета, то она невозможна без предварительного установления сущности предмета. Было бы убедительнее, если бы докладчик сам истолковал своим методом определенную историческую группу портретов.

В докладе А. Л. Саккетти (10/III) на тему: „Природа портрета“ докладчик определил портрет, как изображение человеческой личности в ее индивидуальности и судьбе. В отдельных положениях доклада он коснулся также композиционных принципов портрета. В прениях по докладу было отмечено, что некоторые его положения не обоснованы. Так, например, не обосновано то положение, что невозможен портрет животного, что индивидуальные признаки должны главенствовать над типическими, наконец, что портрет вообще есть художественная проблема.

В докладе И. В. Жолтовского (9-10/V) на тему: „Принципы архитектурного мышления у Палладио“ докладчик путем анализа многочисленных иллюстраций вскрыл принципы архитектурной формы Ренессанса. Анализ имел как общетеоретическое, так и сравнительно-историческое значение. Архитектурные формы Палладио были поставлены в связь с античными. Деятельность Палладио была рассмотрена в соотношении с его предшественниками и последователями.

В докладе А. Г. Габричевского (12/V) на тему: „Проблема живописного изображения в портрете“ докладчик разрешал апорию между изображением, требующим объекта вне художественного произведения, и самим художественным произведением, всегда себе имманентным. Особенно подробно в докладе были освещены вопросы живописной композиции и экварессии. В прениях было выражено сомнение по поводу метода разрешения апории.

Комиссия по изучению истории эстетических учений имела за второе полугодие 6 заседаний и 6 докладов.

Доклад С. Н. Дурылина (24/II): „Эстетические взгляды К. Леонтьева“, частично опирающийся на неизданный материал (письма к Фету и др.), пытался реконструировать основные эстетические воззрения К. Леонтьева, исходя из мысли, что эстетический опыт Леонтьева автономен и не включает перехода к прочим сторонам его мировоззрения. До последних лет жизни эстетические воззрения Леонтьева остаются неизменными, тогда как в других областях происходят значительные сдвиги. Прения остановились на типологическом и историческом родстве Леонтьева с рядом эстетических школ и направлений (немецкий романтизм, декадентство).

Доклад Н. В. Петровского (17/III): „Философские предпосылки эстетики Шеллинга“, оставляя в стороне всякого рода исторические влияния на Шеллинга, пытался проследить лишь „влияние самой философии“, выявить связь между общефилософскими (диалектическими) построениями Шеллинга и положениями, высказанными в „Философии искусства“. Докладчик привлек для освещения отдельных мест „Философии искусства“ отрывки из малоизвестных трактатов Шеллинга.

Два доклада А. Ф. Лосева на тему: „Классификация искусств в немецкой эстетике XIX века“ (24/III и 26/V) дали историко-критический обзор классификации искусства, начиная от Канта, особенно подробно остановившись на связи этих классификаций с эволюцией диалектики. Как докладчик, так и прения отчетливо осветили близость Гегеля к Шеллингу в основных построениях, касающихся искусства.

Доклад С. С. Скрябина (31/III) на тему: „Понятие искусства у Фидлера“, давая подробный анализ взглядов Фидлера на природу искусства и подвергая их критике, остановился на исторической преемственности между взглядами Фидлера и взглядами его предшественников и указал на пункты своеобразного понимания философских положений Канта в искусствоведческих трудах Фидлера. В прениях было указано на недостаточное освещение в докладе роли и влияния Фидлера на развитие основных положений искусствоведения.

Доклад А. В. Бельского (19/V) на тему: „Эстетика Чернышевского“, на фоне социальных событий и историко-литературных течений осветил отношение Чернышевского к искусству.

Группа по изучению проблемы художественного образа имела 4 научных заседания и 4 доклада.

Доклад В. С. Смышляева (1/II) на тему: „Выявление образа в художественном творчестве“ распадался на две части, из коих первая была посвящена анализу творческого процесса и роли в нем образа, вторая давала классификацию искусств по признаку материала, служащего для воплощения образа. В своих обобщениях докладчик, главным образом, исходил из собственных наблюдений над творчеством ряда художников, являющихся

представителями различного рода искусств. Доклад вызвал решительные возражения, были высказаны общепринципальные и методологические соображения (взаимоотношение художественной идеи, образа, произведения и др.) и выдвинут ряд данных из области психологии творчества, говорящих против всеобщности предложенной докладчиком, схемы творчества.

Доклад А. Г. Габричевского (1/III) на тему: „Героический пейзаж и искусство Киммерии“ рассматривал типические особенности изображаемого киммерийскими художниками ландшафта. Докладчик останавливался на Богаевском и, главным образом, на живописном творчестве Волошина.

Доклад М. А. Волошина (1/III) „Образный пейзаж“, посвященный творчеству Богаевского, выявил особенности художественно-образной структуры его произведений, на фоне истории Киммерии и характерных черт ее ландшафта.

Д. С. Недович (14/IV и 5/V) в своем докладе: „Образы и ритмы в творчестве ваятеля К. Ф. Крахта“ пытался впервые дать общий обзор его художественного наследия. Докладчик дал подробное описание отдельных произведений, продемонстрировав снимки со всех произведений скульптора, и в своих обобщениях отметил особенности образного оформления в отдельные периоды его творчества. Исходивший из конкретного материала и заслушанный в соединенном заседании с Секцией пространственных искусств, доклад затрагивал ряд общих и принципиальных вопросов как в части обобщений, данных самим докладчиком, так и в части, посвященной воспроизведению художественных взглядов Крахта, сделанном по его сохранившимся наброскам и заметкам.

За второе полугодие 1926/27 ак. года деятельность Кабинета художественной терминологии продолжала развиваться по трем основным направлениям, соответствующим задачам и целям академической работы кабинета.

I. Работа над редактированием 1-го тома Словаря художественной терминологии за истекающий период была сосредоточена преимущественно в президиуме кабинета, лишь некоторые из представленных статей выносились на пленарное обсуждение, преимущественно те, которые касались принципиально важных или не разработанных вопросов. Редакционная работа президиума кабинета выражалась по преимуществу в согласовании статей, соответственно основному плану словаря, и в требовании теоретико-искусствоведческого, в широком смысле, освещения.

II. Работа по составлению терминологической картотеки началась только во втором полугодии. В виду сложности и новизны предпринимаемой работы, решено было сначала прорабатывать те термины, которые уже имеются в статьях для словаря. Таким образом, получены были выписки на термин

„Аффект“ из Аристотеля, Декарта, Спинозы, Канта, Джемса, Вундта, Фолькельта, Мюллер-Фрейнфельса, Фриза, Гейгера. С другой стороны, поскольку терминологическая картотека должна облегчать работу по составлению статей на темы, имеющие большую историческую традицию, был проделан опыт подбора карточек — выписок на термин „Искусство“. Одновременно ведется работа и над другими терминами, например, „художественная воля“, „впечатление“ и т. д.

III. Соответственно с практикой прошлого года, кабинетом были осуществлены также и открытые заседания, на которых заслушивались словарные статьи и общетеоретические доклады.

На заседании от 18/I — 1927 г. были заслушаны статьи М. И. Фабриканта: „Архаизм“, „Декаданс“ и „Знатоки искусства“. Докладчик особенно подчеркивал значение последнего термина, который до сих пор не получил определения и анализа ни в одной искусствоведческой энциклопедии, хотя им пользуются в истории и теории искусства. Предложенные комиссией разграничения „знатока“ от просто любителя и собирателя искусства были автором приняты.

На заседании от 3/II — 1927 г. была заслушана статья Б. В. Горнунга „Драматургия“, которая распадалась на две основных части: историческую и теоретическую. В первой части прослеживалась историческая традиция от греческих „дидаскалей“ до современности, при чем особенно подробно автор останавливался на Франции XVII века и Германии конца XVIII века; во второй — автор отстаивал ту точку зрения, что драматургия есть глава теоретической поэтики, имеющая свой специфический предмет и методы.

На заседании 22/II — 1927 г. была заслушана в словарной редакции статья Б. А. Фохта — „Акмеизм“. Статья вызвала принципиальные возражения: была ли у акмеистов самостоятельная эстетика и независимые от символистов теоретические воззрения. Иными словами, был ли акмеизм только литературным направлением или также и теоретическим.

На заседании от 12/IV — 1927 г. был заслушан доклад А. Ф. Лосева: „Античность“ и статья на ту же тему. Прослеживая различные понимания слова в эпоху Возрождения, в классицизме XVII века, в романтизме XVIII века, в идеалистической философии XIX и у Ницше, докладчик выводил собственное понимание, охватывающее изложенное. Возражения касались преимущественно этого последнего; высказывались пожелания включить в статью также и понимание античности у филологов типа Вилламовица и др.

Литературная секция

Продолжая во втором семестре 1926/27 акад. года намеченную в предшествующем полугодии разработку проблем стилистики на конкретном материале литературной современности, секция в своих пленарных и секционных заседаниях заслушала также ряд докладов, посвященных вопросам текстологии и исторического изучения поэзии.

Пленум литературной секции посвятил два заседания докладам французских гостей — профессора Андрэ Мазона и писателя Люка Дюртена. На первом заседании (в соединении с О-вом любит. рос. сл., 25/II) президент Академии П. С. Коган в своем приветствии указал, что выступление проф. Мазона является праздником в области культурного сближения народов, праздником особенно дорогим для нас, так как в лице французского ученого мы имеем лучшего исследователя тургеневских архивов: „Можно позавидовать богатству материалов по Тургеневу, оказавшихся в обладании французских ученых,— заметил П. С. Коган, — но нельзя не признать, что эти ценные рукописи находятся в верных руках. Проф. Мазон — один из международных исследователей духовной культуры, содействующих сближению стран и наций“. П. Н. Сакулин в приветствии от О-ва любит. рос. словесности указал на многообразные связи, соединяющие русскую и французскую культуры, особенно в области литературоведения, где вопросы поэтики и стиля, научной и социологической методологии нередко стимулировались для нас французскими учеными. Интересы Франции к русской литературе оказывались неоднократно, как, напр., во время торжества по случаю открытия в Москве памятника Гоголю. Приветствуя в лице проф. Мазона славную французскую науку, П. Н. Сакулин выразил ей от имени русских ученых пожелание дальнейшего процветания.

Проф. Андрэ Мазон в благодарственном слове отметил, что французские ученые тщательно сохраняют драгоценные рукописи Тургенева для того, чтобы и русские исследователи могли свободно ими пользоваться. Научные отношения могут быть только мирными и к этому неуклонно стремятся представители французской науки, пережившие войну и испытывавшие тягость духовного одиночества. Необходимо приветствовать всех, кто содействовал до сих пор возобновлению культурных отно-

шений и обратиться с благодарностью к русским ученым, содействовавшим успеху этой цели.

После обмена речами, состоялась научная часть заседания. Н. Л. Бродский сделал сообщение на тему: „Новинки русской критической литературы о Тургеневе“, представляющее обстоятельный обзор тургеневщины за последнее десятилетие. Проф. Андрэ Мазон прочел доклад на тему: „И. С. Тургенев за работой“. Докладчик ознакомил слушателей с содержанием парижского архива И. С. Тургенева и внешними приемами работ писателя (зарождение романа, списки действующих лиц, фабула и схема романа; первая редакция и следующие редакции; работа над печатным текстом). В заключение докладчик познакомил с проектом ненаписанной повести Тургенева и неизданными „Стихотворениями в прозе“.

Французский романист Люк Дюртен прочел в пленуме секции доклад на тему: „Техника современного французского романа“ (11/IV). Подробное изложение доклада и широко развернувшихся прений по нем помещено в журнале „Искусство“, 1927 г. IV.

В обстоятельном докладе: „Морфология литературных стилей“ П. Н. Сакулин остановился на рассмотрении морфологических признаков стиля, наметил классификацию стилевых типов и обосновал свое определение литературного стиля, как „психоидеологии писателей“, т.-е. формального выражения определенного художественного мировоззрения.

Пленум заслушал также доклады А. К. Виноградова „История одной дружбы (Меримэ и Соболевский)“ (18/IV), основанный на ценных архивах пушкинского друга Соболевского; Б. М. Соколова: „Русская историческая школа в оценке западных ученых“ (9/VI) и Н. К. Пиксанова: „Текстология и эдичионная техника“ (23/V).

П/секция теоретической поэтики, наметив для изучения в отчетном полугодии проблемы ритма и стиля, разрабатывала мало исследованные вопросы русского стиховедения (напр., доклад С. В. Шервинского: „Проблема стиховой изохронности в русском классическом стихосложении“, 15/IV). К этому ряду примыкает изучение вопросов ритма прозаической речи, представленное докладом М. П. Штокмара: „Некоторые приемы ритмизации художественной прозы Лескова“ (4/II). Теоретическому изучению стиля в литературе были посвящены доклады: М. П. Столярова — „О понятии стиля в теоретической поэтике (18/II и 4/III). Изучению проблем поэтики на конкретном материале новейшей литературы были посвящены доклады: М. А. Петровского „Поэтика В. В. Розанова“ (27/V) и Н. Н. Лямина „Некоторые особенности поэтики Леонова“ (10/VI). Проблема жанра была разработана в собеседовании о книге Б. А. Грифцова — „Теория романа“ и в докладе С. Д. Балухатого

(соед. с Теоретической секц.): „Поэтика мелодрамы“. Л. Г. Шпет в докладе: „Литературоведение, как часть искусствоведения“ (14/I) отстаивала положение, что литературоведение должно определяться тем материалом словесного произведения, который подлежит художественному переживанию („Erleben“ Вальцеля). Цикл занятий П/секции теоретической поэтики был, таким образом, сосредоточен на вопросах русского стихосложения, прозы и жанров.

За январь — апрель П/секцией истории русской литературы устроено 5 научных заседаний (из них — 2 соединенных с Ассоциацией по изучению Блока), на которых заслушано пять докладов о русском символизме, Толстом и на некоторые другие темы.

Доклад В. В. Гиппиуса: „Помяловский и редакция „Современника“ в 1863 г.“ (28/I) представлял развернутый комментарий к публикуемым В. В. Гиппиусом материалам по переписке Помяловского с Некрасовым и с Пыпиным. Доклад А. В. Дружкиной: „Опыт крестьянского переселенческого романа у Льва Толстого — „Декабристы“ (по неизданным материалам) (11/II) выдвигал положение, что указанный роман по замыслу и стилю является произведением, характерным для переломной стадии творчества Л. Толстого. Самый роман не мог быть завершен из-за разносторонности его идейного наполнения и смешанного стилистического осуществления. Д. С. Усов в докладе: „К литературной истории русского символизма II-го периода“ (соедин. заседание с Ассоц. по изучению Блока, 17/II) проследил на материале неизданного письма Блока к критику Евгению Архипову (от 7 ноября 1906 г.) эволюцию критической и эпистолярной манеры Блока. Данное письмо, отзываясь зрелой манерой „позднего Блока“, является развитой рецензией на выступление одного из мелких поэтов-декадентов и может быть сопоставлено с другим высказываниями Блока о назначении поэта.

Содержание доклада М. Н. Розанова: „Мотивы мировой скорби в лирике Блока“ (соедин. заседание с Ассоциацией по изучению Блока, 10/III) выражено заглавием его.

В докладе „Журнал „Весы“, как один из этапов в истории русского символизма“ (8/IV), А. А. Штейнберг обрисовал мирозерцание московских символистов в трех периодах существования „Весов“ (1904—1909) и их отношение к вопросам поэтики. Наконец, в соедин. заседании с Литературной комиссией социологич. отделения (15/IV) был заслушан доклад С. Н. Дурылина: „Молодой Гоголь в социологическом окружении“.

Во втором полугодии 1926/27 ак. года п/секция всеобщей литературы подверглась значительному внутреннему преобразованию: п/секция выделила из среды постоянных участников ее работ отдельные ячейки по специальностям, присвоив наиболее крупным ячейкам наименование „комиссий“. Эти вновь созданные ячейки, по мысли П/секции, должны вести специальную

работу, которая, принимая во внимание все разнообразие охватываемых п/секцией специальностей, не может и не должна быть предметом обсуждения пленума. В пленум же должны выноситься лишь те сообщения, которые представляют интерес для всех участников п/секции. Кроме того, пленум, согласно директивам Литературной секции, должен вести коллективную работу. Таким образом организовались и фактически приступили к работе ячейки: „Современной литературы запада“, „Англо-американская“ „Иберо-американская“, „Изучения античных литератур“. Намечена была также ячейка „Изучения восточных литератур“.

За указанный период п/секция имела 6 научных заседаний, на которых впервые разрабатывались темы по славистике и востоку: так, было заслушан доклад Б. И. Ярхо: „Литературное путешествие по сербским землям“ (6/IV) и доклады Л. С. Некора: „Борьба города и степи в арабской поэзии начальной эпохи Исламидов“ и А. А. Стариова: „Месневи, поэма Джелаледдина Руми“. Этими сообщениями п/секция осуществила намеченный еще в прошлом году охват работой П/секции литератур славянской и восточных.

Фольклорная п/секция за истекший акад. семестр заслушала ряд докладов: Р. О. Гельгард в своем реферате „История собирательских работ в области фольклора в Тверской губернии“ (17/I) развернула картину таблиц взаимоотношения жанров местного фольклора в разные эпохи обследования (с демонстрацией картограмм). Е. Г. Тейльман в докладе: „Символика народной лирической песни“ (17/I) сделал попытку путем психологической интерпретации объяснить ряд зачинов народной лирической песни, признававшихся ранее имеющими только ритмическое значение. Н. М. Элиаш в докладе: „Современное состояние фольклористики в Германии“ (15/II) далее отчет о поездке в Германию. А. М. Смирнов-Кутачевский установил принципы картографирования фольклорного материала в докладе: „Опыт фольклористической карты“ (31/I). С. Ф. Елеонский в докладе: „Народно-поэтическая традиция в эпоху Пугачевского бунта“ (21/II) отметил отражение народного эпоса в манифестах, прокламациях и легендарной личности Пугачева. Б. М. Соколов в докладе: „Новая книга о свадебном обряде“ (7/III) дал подробный критический анализ сборника свадебных обрядов под редакцией проф. Штеренберга. С. С. Абузов сообщил в докладе: „Мордовские причитания“ (7/III) новые материалы по мордовскому свадебному обряду. С. К. Шамбинаго в своем докладе: „Песни о мамаевом побоище“ (28/II) сделал попытку установить историческую подоснову былины о гибели богатырей. Н. П. Андреев в сообщении: „Несколько данных к обзору русских сказочных сюжетов“. (11/IV) сделал сопоставление соотношений различных жанров в русской народной сказке и в каталоге сказочных

сюжетов А. Арне. О. Э. Озаровская в докладе: „Северная экспедиция 1921 г.“ (11/IV) сообщила свои воспоминания об экспедиции на Пинегуи Кулой. Р. О. Шор в докладе: „Проблема фольклористического метода в трудах северных фольклористов (23/V) дала критику методов финской школы. В. И. Чичеров в своем докладе: „Фольклор городской улицы“ (30/V) ознакомил аудиторию с записью устной рекламы мелочных торговцев. С. П. Бородин сообщил: „Новые записи Нижегородских сказок“ (30/V) (характеристика сказочника-реалиста и психолога).

Наряду с этим, ряд заседаний п/секции был посвящен вопросам научно-организационным, в связи с издательской (подготовка к печати второго номера „Художественного фольклора“) и организационной (устройство фольклористического кабинета) деятельностью п/секции; из результатов этих совещаний следует особо отметить установление принципов каталогизации имеющихся в кабинете фольклористических материалов.

Научно-популяризационная деятельность п/секции выразилась в организации (совместно с Научно-показательн. отделом ГАХН) ряда вечеров народной песни, как „Вечер фольклора Московского края“ (со вступительным словом Ю. М. Соколова) „Вечер украинской песни“ и др.

Комиссия по изучению Достоевского в истекшем полугодии заслушала 5 докладов. А. С. Долинин в своем докладе: „Достоевский и социализм“ отметил важность изучения проблемы социализма в мировоззрении Достоевского, обследовал те источники, по которым мы можем составить представление о социалистических воззрениях Достоевского 40-х годов. Главный материал дают позднейшие высказывания Достоевского, которые, однако, во многих отношениях являются недостоверными, так как окрашены тенденциозным отношением к Берлинскому и его мировоззрению. Докладчик произвел анализ воспоминаний Достоевского в его статьях: „Старые люди“ и „Одна из современных фальшей“ и обнаружил ряд несоответствий с более ранними подлинными свидетельствами.

А. Г. Цейтлин в докладе: „Бесы“ и русский охранительный роман“ (9/II) пересмотрел вопрос о том, насколько русский охранительный роман 60-х годов можно считать за сложившийся жанр и приходит к убеждению, что, несмотря на ряд общих формальных признаков, этот роман не образует особого жанра. Причиной является различный социальный генезис нескольких направлений в этом романе. „Бесы“ Достоевского выражают точку зрения мелкобуржуазной интеллигенции. Достоевский в романе: „Бесы“ преодолевает каноны других течений охранительной беллетристики расширением тематики, психологизацией и углублением целого.

Б. Г. Столпнер в своем докладе: „Преступление и наказание“ Достоевского, в истолкованиях Писарева, Мережковского и

Переверзева“ (9 и 16/III) ставил своей задачей показать, что работы трех названных критиков о романе Достоевского являются суб’ективными перетолкованиями основной идеи произведения. Писарев и Переверзев основывают свою критику на смещении замысла, об’ективно воплощаемого в произведении с суб’ективными убеждениями художника. Отсюда их ошибочный анализ и непонимание произведения в целом. Толкование Мережковского ближе к Достоевскому, но и оно ошибочно, так как критик не вник в ту своеобразную систему понятий-интуиций, к раскрытию которой служит весь ход действия в романе. Указав на отрицательные стороны толкования трех названных критиков, Б. Г. Столпнер дал свое толкование „Преступления и наказания“, стремясь показать тот замысел, который вкладывал в роман свой автор.

Н. Ф. Бельчиков в докладе: „Достоевский и западная буржуазия“ (13/III) основывался на неопубликованных материалах (записные книжки писателя) и, привлекая материал „Дневника писателя“ и „Зимних заметок“, пытался охарактеризовать, какое представление о строе социальной жизни Запада сложилось у Достоевского в 70-х годах, после его поездок за границу. Отношение к западной буржуазии и пролетариату сближает Достоевского с лагерем славянофилов.

В. С. Нечаева в докладе: „Из анализов стиля Достоевского“ обследовала сравнения в ранних повестях Достоевского и выводы проверила на материале романа „Преступление и наказание“. Сравнения Достоевского тесно связаны по стилю с литературной сентиментальной традицией начала XIX века, а также с народной поэтической речью. То оригинальное, что вносит Достоевский в своих сравнениях со стороны содержания и формы, является очень характерным для его стиля в целом (городской быт, психологизация и т. д.) и резко отличает его сравнения от сравнений его современников — Тургенева и Некрасова.

Помимо докладов комиссией было организовано одно торжественное заседание с исполнительской частью при участии артистов Художественного театра. Тогда же была устроена выставка русской и иностранной литературы по Достоевскому за последние пять лет, под наблюдением Н. И. Пожарского.

Президиум комиссии был занят подготовительными работами по организации мемориального музея в доме больницы имени Достоевского.

Комиссия по изучению живого слова во втором полугодии 1926/27 г. имела: 18 научных заседаний, 4 показательных вечера и 1 просмотр работ. Работы комиссии велись как с точки зрения обоснования теории и практики живого слова (дикции и декламации, рассказывания, лекторского и ораторского искусств), так и в историко-исследовательском разрезе, выявив-

шемся в ряде литературных характеристик известных мастеров слова.

Вопросам дикции и декламации были посвящены следующие доклады: А. А. Ильинского-Блюменау — „О сценическом воспроизведении слова в „Ревизоре“ театра В. Мейерхольда“ (2/I), Е. Ф. Цертелевой — „Певец, как исполнитель“ (25/I), Е. Н. Смирнова — „Актер должен уметь говорить“ (по поводу книги К. С. Станиславского — „Моя жизнь в искусстве“) (1/II), Н. В. Маркова — „Система С. М. Волконского в выразительном чтении“ (15/II), Э. К. Розенова — „Система универсального голосоведения д-ра О. Рутца“ (22/II), Ю. Г. Перель — „О книге Эйхенбаума: „Мелодика стиха“ (15/III), И. Я. Блинова — „Опыт практического соединения систем С. М. Волконского и К. С. Станиславского“ (29/III) и А. М. Пешковского — „Акцентологические загадки Пушкинского стиха“ (3/I).

Особо следует отметить: вечер художественного чтения (разные манеры исполнения) с участием лучших московских декламаторских сил, на коем было проведено анкетирование слушателей (24/II), последующая обработка анкет секретарем комиссии Е. Н. Смирновым была обсуждена в специальном заседании комиссии (15/III), доклад С. В. Шервинского — „Принципы исполнения лирики“ (22/III) с последующим иллюстративным вечером чтения стихов Тютчева артистами МХАТ и вступительным словом И. Чулкова (4/IV); вечер чтения стихотворений Жуковского (к 75 л. со дня смерти, 5/V); доклад Ф. И. Коган: „Поэты-лирики, как декламаторы“, иллюстрированный чтением своих стихов московскими поэтами, специально приглашенными на заседание (10/V); обычный годичный просмотр работ Мастерской живого слова (17/V).

Уделяя большое внимание вопросу построения вечеров живого слова и их оформлению с учетом восприятия слушателей, комиссия имела в этом полугодии ряд специальных собеседований о построении вечеров (доклады А. С. Поль, Е. Г. Адамовой и др.) и ряд обсуждений того или иного выступления исполнителей (24/II, 4/IV, 12/IV и 19/IV).

Вопросам рассказывания и лекторского и ораторского искусств были посвящены: „Вечер народного сказывания“ — Б. В. Шергина (3/I), доклады Е. Г. Адамовой: „Рассказывание в лекторской работе“ (8/II), В. С. Саранцевой: „Реагирование аудитории на рассказ и рассказчика на аудиторию“ (по материалам Мастерской рассказывания, 1/III), Г. О. Винокура: „Из стилистики современной речи“ (Глагол или имя) (5/IV) и С. М. Чемоданова: „Методика вступительного слова к исполнению музыкальных произведений“ (19/IV).

Опыт применения исторического метода в литературных характеристиках мастеров живого слова выразился в ряде докладов, приуроченных, главным образом, к юбилейным датам;

таковы доклады: А. А. Солоновича: „Бакунин, как мастер слова“ (к 50-лет. со дня смерти) (18/I), С. Н. Дурылина: „Гоголь — художник живого слова“ (к 75-лет. со дня смерти) (18/III), О. Э. Озаровской: „Менделеев на кафедре“ (к 15-лет. со дня смерти) и Н. Л. Бродского: „Тургенев — чтец, рассказчик и собеседник“.

Комиссия художественного перевода имела за отчетный период 7 заседаний, на которых были прочитаны перечисляемые доклады. Н. М. Мендельсон, в докладе: „Ф. Е. Корш в его неизданных письмах Фету“ (13/I), сообщил интересный рукописный материал, относящийся к работе Фета над переводом римских классиков. Особенный интерес представили письма Корша, в которых имеется целый ряд, нигде неопубликованных, его замечаний и наблюдений над метрикой и соображений о принципах перевода античных метров. Е. М. Рыт, в докладе: „Введение в учение о переводе“ (10/II и 10/III) познакомил слушателей с обширной, собранной им, библиографией по искусству перевода. В докладе, вызвавшем оживленный обмен мнений, Е. Рыт отстаивал тот принцип, что перевод должен быть толкованием текста. Р. Н. Ким прочел доклад: „Техника переводов с японского“ (24/III) и мастерски сделанный им перевод двух новелл Актакава, написанных разговорным языком. В своих переводах Р. Н. Ким приближает текст к пониманию русского читателя, отказываясь от дословной передачи синтаксических и других особенностей японского языка, чуждых русскому, но сохраняет точную передачу хода мыслей подлинника. В. О. Нилендер прочел доклад: „О принципах перевода античных метров“ (14/IV), сопроводив его чтением своего перевода пролога „Вакханок“ Еврипида. Вторая часть заседания была посвящена сообщению А. А. Грушки: „Учение о тропическом очищении“ (в связи с переводом отрывка из греческого комика Тимокла). Д. С. Усов прочел свой перевод 1-й песни „Искусство поэзии“ — Буало (12/V), получивший премию на конкурсе ГАХН и сделал доклад: „О принципах перевода на русский язык двенадцатисложного французского стиха шестистопным ямбом“. Ф. И. Коган сделала доклад: „О принципах перевода древне-еврейских псалмов“ (19/V) и прочла ряд своих переводов псалмов. Основным принципом перевода, по мнению докладчицы, является „прежде всего духовное и формальное уроднение своему языку своеобразий чужого языка и ритма“. Кроме того, докладчицей был предложен ряд весьма интересных соображений о ритмической структуре псалмов.

Секция пространственных искусств

Деятельность отдельных ячеек за время с 1/1 по июнь 1927 г. протекала следующим образом:

Работа П/секции теории п. и., с одной стороны, продолжалась по плану, выработанному в прошлом году. Темой занятий было — изучение отдельных стилей в истории искусства, а также постановка проблемы стиля в более широком его понимании. С другой стороны, в плане работ п/секции было освещение тех, либо иных вопросов, которые впервые выдвигались в теории искусства, а также непосредственное реагирование на художественную жизнь современности. Таким образом работа п/секц. шла в этих 3 направлениях.

За отчетное время были прочитаны доклады: 16/III — доклад Н. М. Тарабукина: „Интерьер и экстерьер, как проблема стиля“. Н. М. Тарабукин вкладывает новое содержание в понятие экстерьер и интерьер; под первым он понимает подход художника к миру, когда он передает его лишь внешнюю оболочку, под вторым — когда художник вскрывает внутреннее содержание. С этих двух точек зрения были даны характеристики стилей, направлений и анализ творчества отдельных художников.

7/IV — доклад А. А. Сидорова: „О готическом стиле“. Для изобразительного искусства готики, по мнению А. А. Сидорова, характерно уничтожение разницы между образом и вещью. Вещь, которая является духовной субстанцией буржуазии, начала господствовать в готике, но вызвала к ней своеобразное отношение, которое определилось романтикой эпохи.

14/IV — совместно с Комиссией по изучению художественного образа Философского отд. был заслушан доклад Д. С. Недовича: „Ваятель Крахт, его образы и ритмы“. 3/VI — состоялось собеседование о книге Д. С. Недовича — „Задачи искусствознания“.

Теоретическая п/секция более, чем все другие ячейки СПИ, работала в теснейшем контакте со смежными ей разделами секции и ячейками ГАХН, частично осуществляя мысль об объединении всех теоретических разделов Академии на почве совместной разработки актуальных для всего искусствознания проблем.

В П/секции эволюции художественной формы было прочитано 8 докладов, входивших в производственный план

п/секции, имевший в виду разработку вопросов, связанных с циклом „Московское искусство“.

1/II—1927 г.—доклад Г. В. Жидкова: „Москва, Новгород и Псков в XIV веке“ на основе анализа нескольких памятников, устанавливал взаимоотношения между 3 крупнейшими центрами Древней Руси и подчеркивал самостоятельную роль Москвы. 14/II—доклад Н. С. Большакова: „Московская гравюра XVI в.“ рассматривал эволюцию древне-русской гравюры и ее отношение к некоторым моментам западно-европейской гравюры. 1/III—доклад Н. М. Иезутова: „Генезис композиции крыльца церкви села Тайнинского“ подверг подробному анализу один из любопытнейших архитектурных памятников 2-й половины XVII в. с точки зрения перехода от древнего искусства к новому. 15/III—доклад А. И. Некрасова: „О колокольнях“ проследил эволюцию и типологические разновидности колоколен (XVI—XVII вв.) в связи с проблемой генезиса храмов со звоном, включая „нарышкинскими“. 29/III—доклад М. А. Ильина: „Дом Бестужева-Рюмина в Немецкой слободе“ был посвящен по преимуществу атрибуционным вопросам и выяснению истории памятника, в связи с эволюцией стиля. 12/IV—доклад М. А. Александровского: „Архитектурная история собора Спаса на Бору“, подробно проследил возникновение приделов собора и пытался доказать принадлежность их к искусству ранней Москвы. 3/V—доклад А. Н. Греча: „Английское влияние в русской живописи XVIII—XIX вв.“ показал ряд английских прототипов, несомненно повлиявших на некоторых русских портретистов. 7/V—доклад В. В. Згура: „К вопросу об историческом развитии русского барокко“ касался вопросов архитектурной эволюции.

П/секция современного искусства в отчетное время ставила себе нижеследующие основные задания: 1) изучение современного русского искусства; 2) изучение современного западного искусства.

Изучение современного русского искусства протекало по 4-м основным направлениям: а) общие вопросы современного русского искусства, б) освещение отдельных моментов современной художественной жизни, в) изучение группы художников „Бубновы валет“, г) собирание материалов по современному искусству; последнее, в свою очередь, выразилось: а) в докладах, посвященных воспоминаниям об отдельных художественных школах и б) в анкетной работе, т.-е. в обследовании жизни и творчества отдельных художников.

В плане освещения отдельных моментов современной художественной жизни стоял доклад А. В. Бакушинского—„Современная русская скульптура“ (28/IV—1927 г.) в соединенном заседании с Комиссией по изучению скульптуры. Доклад был непосредственно связан со 2-й выставкой ОРС: А. В. Бакушинский

дал подробный разбор выставки, охарактеризовав творчество каждого скульптора.

Из докладов, посвященных изучению „Бубного валета“, отметим: доклад А. М. Эфроса — „Мастера „Бубного валета“, как театральные декораторы“. (18/II—1927). Охарактеризовав декоративные работы Кончаловского, Лентулова, а также Фалька, Куприна, Рождественского, докладчик приходит к выводу, что „Бубновый валет“ с театром был связан чисто случайно. Из докладов, посвященных воспоминаниям об отдельных художественных школах, отметим доклад т. Оболенской: „Воспоминания о школе Бакста“ (17/II—1927 г.) 23/V—доклад Симонович-Ефимовой: „Путь художницы“. В цикле докладов, посвященных изучению русского искусства, следует указать и на доклад П. Д. Эттингера: „Опыт регистрации творчества русских художников за границей“ (7/II—1927) г. — доклад следует рассматривать как введение в обширную работу, намеченную на 1927/28 г., по регистрации творчества русских художников за границей.

В отчетном полугодии были заслушаны следующие анкеты: Н. В. Яворская — Альтман; Т. М. Пахомова — Чекрыгин; А. С. Галушкина — Делавос-Кардовская; Е. В. Гольдингер — В. А. Шестаков; Н. И. Рождественская — Н. И. Шестаков; Н. И. Рождественская — Аладжалов; Н. В. Яворская — Мухина; Н. И. Рождественская — Королев; А. И. Аристова — Н. М. Григорьев; Б. Н. Раппопорт — Бела Уиц; Н. В. Яворская — Чайков; К. А. Зеленина — Пискарев; Л. В. Розенталь — Малютин; А. И. Аристова — Ефимов.

В Комиссии по изучению архитектуры за отчетный период были прочитаны следующие доклады: 17/II—1927 г. — доклад А. И. Некрасова: „Московская архитектура XIV в.“; на анализе памятников Коломны установлены черты ранне-московской архитектуры и реконструирован Московский Успенский собор до-Аристотелевской постройки. Было с очевидностью установлено влияние Полоцко-смоленского зодчества XII—XIII вв. на раннюю Москву. 7/IV — доклад Б. Н. Засыпкина: „О мусульманских ансамблях Средней Азии“ пытался наметить некоторые особенности мусульманских ансамблей. Доклад вызвал возражения по существу предлагаемых понятий и научной методологии. 24/IV — доклад Н. А. Демуара: „Морфология русского зодчества“ отличался известной туманностью предлагаемых понятий. 5/V — доклад А. Н. Греча: „Усадебный ансамбль в архитектуре Н. В. Львова“ ознакомил с чрезвычайно интересными новыми памятниками этого архитектора и проследил композиционные их особенности, с точки зрения ансамблевого построения. 12/V — доклад М. Я. Гинзбурга: „Гигиена восприятия“ наметил ряд моментов, обуславливающих гигиеническое восприятие художественных памятника и методов, направленных к правильному конструированию архитектурных соору-

жений. 3/VI—был прочитан доклад Б. Г. Перетятковича „Основные черты современной архитектуры“.

В Комиссии по изучению живописи за отчетный период были зачитаны и обсуждены следующие доклады: 14/I—1927 г.— доклад А. И. Некрасова: „Древне-русский прототип картины Александра Иванова“.— Указав, что художественная критика высказала наибольшую наблюдательность в установлении „отрицательных“ черт картины Иванова — „Явление Христа народу“, докладчик, путем анализа, пришел к выводу, что в данной картине налицо ряд стилевых моментов, соответствующих русской живописи XVI в. Полагая, что данное обстоятельство объясняется тем, что в своей культуре Иванов носил черты русской традиции, дошедшей до него от древности, А. И. Некрасов привел параллельные картине композиции в миниатюре XVI в., которые Иванов, однако, не знал. 4/II—1927 г.— доклад В. А. Харузина: „Ватто — живописец“. В докладе утверждалось положение, что Ватто своим колоритом обязан Рубенсу, Ван-Дейку, Тициану, Тинторетто и Веронезе, изученным им по картинам, рисункам, гравюрам и даже теоретическим сочинениям. Дав характеристику колорита Ватто и особенностям его рисунка, В. А. Харузин остановился на проблеме натурализма у Ватто и указал на то, что заключение о национальной принадлежности Ватто принадлежит будущему. 18/II—1927 г.— Н. М. Тарабукин: „Натюрморт, как проблема стиля“. Докладчик полагает, что изображение „мертвой природы“, как вид живописи, не всегда совпадает с „натюрмортом“, как стилистической категории. В то время, как натюрмортный стиль отсутствует у живописцев античности, ренессанса и барокко, он всецело утверждается творчеством Сезанна, формулирующего и „философию“ этого стиля. Социологические предпосылки современного натюрморта — в гипертрофии „власти вещей“ над человеческим сознанием, натюрмортный стиль сказался не только в живописи, но и в других искусствах. Он проявил себя и в искусствознании.

10/III—1927 г.— доклад Н. М. Тарабукина: „Колорит, как определяющий фактор пейзажа“. Докладчик считает, что изображение природы становится пейзажем, как стилистической категорией, подчиняющей себе и другие виды живописи — лишь с эпохи высокого ренессанса, когда природу художники начинают выражать, как воздушно-световое пространство. Основным фактором этого выражения становится колорит, в котором локальный цвет сменяется тональной гаммой света масляной живописи. Далее, Н. М. Тарабукин прослеживает деградацию пейзажного стиля в связи с изменением понимания красочной гаммы в памятниках живописи. I/IV—1927 г.— доклад В. Д. Загоскиной: „О реставрации картин в XVIII веке“. В докладе было дано подробное изложение истории реставрационных живописных работ во Франции XVIII в., эволюции методов этой реставрации, вплоть до от-

крытия Луврского музея в 1793 г. Докладчица особо остановилась на живописной реставрации в эпоху Великой французской революции.

Необходимо указать, что 2-й и 4-й из прочитанных докладов входят в цикл работ по изучению проблемы колорита, а 5-й по исследованиям фактурно-технологического порядка.

Кроме этих очередных плановых докладов состоялось расширенное заседание, организованное совместно с Научно-показательной частью, связанное с выставкой „Техника стенописи“.

18/V—1927 г. состоялся доклад Г. В. Жидкова: „О задачах выставки „Техника стенописи““. Докладчик указал на причины, побудившие СПИ и НПЧ организовать данную выставку: явное умирание станковой картины и поиски нового типа искусства. Содержание выставки—демонстрация технических моментов, связанных с фреской и показ использования этой техники в искусстве прошлого и для создания современных живописных произведений. Задача выставки—создание некоей базы для дальнейших опытов в области фресковой живописи. 13/V—1927 г.—Н. М. Чернышев: „Техника стенописи“. В докладе было освещено положение стенописного искусства в дореволюционной России и в СССР. Отметив введение стенописи в программы современных художественных ВУЗ'ов, Н. М. Чернышев остановился на историческом развитии техники стенописи, а также изложил наиболее характерные способы в этой области. В заключение Н. М. Чернышев поставил вопрос о будущем этого искусства и выразил уверенность, что монументальной живописи будущее предстоит большое.

Основной работой комиссии за отчетный период была подготовка к открывшейся 8-го мая выставке „Техника стенописи“. Ряд заседаний организационной группы был посвящен выработке окончательного плана выставки, уточнению списка экспонатов и пр. В связи с привлечением к выставке ряда учреждений и лиц из Ленинграда и Киева—была проведена обширная переписка с данными лицами и учреждениями. В изданной к выставке брошюре „Техника стенописи“ поименованы лица, принявшие участие в организации выставки, а также учреждения и лица, предоставившие для нее свои экспонаты. В той же брошюре имеется изложение задач выставки и описание экспонатов. Необходимо отметить, что к выставке был проявлен большой интерес, выразившийся в прекрасной посещаемости, несмотря на то, что в газетах никакой информации о выставке не было. Среди посетителей—учащиеся художественных ВУЗ'ов и техникумов Москвы, Киева, Харькова. Наряду с индивидуальными посетителями—экскурсии ВУЗ'ов и научных обществ.

Наконец, в Живописной комиссии прочитан еще 10/VI—1927 г. доклад Н. Шорыгиной: „Живопись на венецианской выставке 1926 г. по личным воспоминаниям“.

Деятельность Графической комиссии СПИ за отчетный период была проведена соответственно ее производственному плану, в 3-х разрезах: историческом, современном и методологическом. Так как основной плановой задачей комиссии являлось составление сборника „Ксилография в России“, то целый ряд докладов был заслушан для этого сборника. 16/IV—1927 г.— доклад К. С. Кузминского: „Новое об Агине“. Докладчик дает описание весьма интересного альбома мало известных рисунков Агина к ветхому и новому завету. Альбом этот принадлежал ранее Жемчужникову, а теперь является собственностью „Русского музея“. В этом же альбоме, между прочим, находится интересный автопортрет Агина и портрет Пушкина. Докладчик останавливался также на личных связях Агина с Федотовым и худ. Петровским. 18/IV—1927 г.— доклад В. В. Воинова „Молодые годы Матэ и художественно-культурная обстановка того времени“. Докладчику удалось получить совершенно неизвестный и имеющий огромное историко-художественное значение материал, заключающийся в письмах Матэ к его близким и ко многим его друзьям, занимающим определенное положение в искусстве и науке, а также ответные письма этих друзей. Благодаря этому материалу В. В. Воинов имел возможность восстановить всю ту художественную атмосферу, в которой жил и работал Матэ, а также многие неизвестные, или ложно-истолкованные факты его биографии. Детально проработаны: детство и юность Матэ, годы учения у Серякова и в Академии, годы заграничного пенсионерства, в которые входили: учение у Паннемакэра, уход его из этой мастерской, начало занятия офортом, встречи и влияние на Матэ различных лиц и художественные симпатии и интересы Матэ.

В плане работ над современной и новейшей графикой заслушан также целый ряд докладов: 26/I—1927 г.— доклад К. С. Кравченко: „Революционные темы в современной гравюре“, в котором автором выдвинуты следующие общие положения. Тема в изобразительном искусстве—неизбежный и важный компонент в искусстве всех эпох. В революционные эпохи наблюдается под‘ем значения темы; революция требует не только усиления тематики и, конечно, новой тематики, но и революционизирование формальных качеств. Содержательность живой реальности эпохи революции, ее насыщенность приводят к реалистическому характеру искусства. Вторая причина реализма в искусстве—новый зритель. Ясность тематики, реалистически оформленной,—для него необходима. Возрождение русской гравюры связано с эпохой революции по причинам экономическим, формальным и техническим.

4/II—1927 г.— доклады В. В. Воинова: „О литографских работах художника Верейского“ и „Выставка графики в Ленинградской Академии Художеств“. В первом докладе докладчик

подробно останавливался на работах Верейского, как рисовальщика и на главных этапах его художественного развития. Он рассматривает художника, как портретиста, пейзажиста, жанриста и книжного графика-иллюстратора, особенно подробно останавливаясь на последних литографских работах художника. Доклад проводился на показательном материале литографских работ художника Верейского. Второй доклад был посвящен подробному рассмотрению и описанию выставки графики в б. Ленинградской Академии Художеств.

23/II—1927 г. доклад В. М. Невежиной: „Франк Брэнгвин — офортист“. Тема о Брэнгвине представляется весьма актуальной в связи с получением гравюрным кабинетом МИЗИС полного собрания офортов этого замечательного мастера. Докладчиком исследуется как тематика Брэнгвина, так и формальные его задачи: монументальность и декоративность его офортов, разрешение задачи светотени, без нарушения линейности, патетичность и, наконец, связь Брэнгвина с заветами Рембрандта и Пиранези.

9-го марта 1927 г. заслушан доклад И. И. Лазаревского: „Иллюстрации К. В. Кузнецова“. Чрезвычайно интересны некоторые общие соображения, представленные докладчиком, как введение, говорящие об изменении производственного оформления в русском полиграфическом деле, об отражении этого изменения на деятельности графиков, иллюстраторов и о современном значении детской иллюстрированной книги. И. И. Лазаревский рассматривает работы Кузнецова, главное, по линии его участия в иллюстрировании детской книги, но дает также и общую характеристику его, как художника, привлекая и биографические данные. Доклад сопровождался демонстрацией работ Кузнецова.

21/III—1927 г. -- доклад М. Я. Шика: „Художник Феофилакт“. Доклад дает весьма тщательную и продуманную характеристику Феофилактова, как рисовальщика и книжного иллюстратора, как типичного графика эпохи „Весов“. Докладчик проследил все этапы творческого пути художника, указал их существенные признаки, выяснил художественные влияния, особенно влияние Бердслея.

25/IV — 1927 г. состоялся доклад Н. А. Попова: „Левая изо-реклама и потребитель“ (заседание совместное с Кабинетом художественной агитации и пропаганды).

В историческом разрезе искусству рисунка был посвящен 16 мая 1927 г. доклад В. М. Невежиной: „О французском карандашном портрете XVI века“. Докладчик указывает на обусловленность расцвета искусства карандашного портрета во Франции XVI века общими историческими причинами. Подробно останавливается на стилистическом анализе французского карандашного портрета и на характеристике отдельных мастеров, делает по-

пытку атрибуции карандашного портрета, находящегося в гра-
вюрном кабинете МИЗИС, на основании иконографических и
стилистических данных.

Наконец, 5 мая состоялся методологический доклад М. А. До-
брова: „Систематика иллюстративных техник“ совместно с
Библиологическим отделом Академии.

Скульптурная комиссия во втором полугодии 1926/27 г.
вела работу преимущественно в следующих разрезах:

1. Изучение истории русской скульптуры. Здесь состоя-
лись доклады: А. И. Михайлова — „О древнерусских рельефах“.
(17/I—1927 г.); в докладе указывалось на то, что рельефы относя-
тся к эллинистическому искусству, имея себе аналогии в византий-
ском искусстве, с сильным влиянием греко-восточного плоскоотно-
го стиля; В. А. Мамуровского: „О бюстах Паниных“ (23/III—1927 г.)
П. Н. Райхенштейна: „О памятнике Минину и Пожарскому“
(31/III—1927 г.), посвященный проблеме монументальности в
скульптуре.

2. Исследование современного искусства. Доклад Н. М. Че-
ремухиной: „Советские памятники Москвы“ (31/I—1927 г.).
В докладе, после перечисления ряда памятников, указывалось
на большую историческую ценность их и художественную
значимость. Доклад А. В. Бакушинского: „Современная скульп-
тура“ (28/V—1927 г.) см. выше.

3. Вопросам теории скульптуры были посвящены доклады:
Ш. М. Розенталь: „Объем и его выявление в круглой скульп-
туре“ (11/II—1927 г.). В докладе указывалось на особенности
скульптуры на различных ступенях ее развития. Так, в прими-
тивном искусстве нерасчлененный объем воздействует своей
структурой, а в барочной — преобладает интерес к фактурным
особенностям. Н. Ф. Рахманова: „О принципах скульптурной
композиции“. В. Н. Домогацкого: „Экспрессионизм в скульптуре“
(9/VI—1927 г.). 14/VI—1927 г. — доклад Н. П. Кивокурцева:
„Трактовка лица в скульптуре“ (античной).

За отчетное время в Музейной комиссии были прочитаны
доклады: А. Н. Зографа (29/III—1927 г.) на тему: „Методы экс-
позиции и классификации древне-греческих монет в русских
собраниях“. Докладчик, исходя из положения, что при класси-
фикации необходимо брать за основу об'ективные основания,
отметил, что таким об'ективным принципом в классификации
древне-греческих монет является принцип географический. При
экспозиции же географический принцип должен совмещаться с
хронологическим. Хронологическое членение при экспозиции дол-
жно производиться лишь по наиболее главным этапам (эп. Ар-
хаики, Классики, Эллинизма и Римская).

Следующим был доклад В. Д. Блаватского: „Реставрация
античных ваз“ (30/I—1927 г.) Докладчик, рассмотрев прием ан-
тичной и современной реставрации античных ваз, выдвинул

положения, что все античные реставрации не подлежат удалению, все новые реставрации безусловно подлежат полному удалению, при чем удаление их должно производиться историком вазописи, прошедшим специальную подготовку.

Помимо исследовательской работы Музейная комиссия в означенное время собирала материал по экспозиции памятников искусства в музеях СССР. Комиссией были разосланы отношения в ряд музеев, находящихся на территории РСФСР. В отчетное время комиссией получены материалы от ряда музеев. Иваново-Вознесенский музей прислал 4 фотографии по экспозиции памятников живописи и напечатанный на пишущей машинке каталог памятников русской живописи. Задонский историко-археологический музей и Лужский музей краеведения прислали рукописные каталоги имеющихся у них памятников искусств. Яронский уездный центральный музей прислал схему экспозиции и рукописный каталог музея. Абрамцевский историко-культурный музей, Астраханская государственная картинная галерея, Владимирский государственный областной музей, Галичский музей местного края, Сердобский музей местного края и Суздальское отделение Владимирского областного музея сообщили, что ими будут высланы каталоги и материалы по экспозиции при первой возможности. Костромской областной музей уведомил о высылке им краткого путеводителя по музею. Ленинский музей местного края, Астраханский музей и Чухломский музей местного края сообщили, что в означенных музеях художественного материала не имеется. Сольвычегодский музей прислал рукописный каталог части, имеющихся в нем, памятников искусства.

Терминологическая комиссия, в составе А. И. Некрасова, К. Ф. Юона, П. Д. Эттингера, под председательством М. И. Фабриканта и при ученом секретаре В. В. Згура, с участием ряда участников тома Изобразительных искусств Терминологической энциклопедии, а также членов президиума, имела 6 заседаний, на коих был заслушан и совместно проработан список терминов 1-го и 2-го полутома „Художественной энциклопедии“, издаваемой Г А Х Н, окончательно утвержден список 1-го, распределение статей между ячейками СПИ по специальности, утвержден порядок поступления статейного материала и зачитывания его в комиссии, а также заслушан и подробно обсужден ряд терминов.

В кабинете по изучению творчества В. И. Сурикова происходило изготовление калек с композиционных этюдов: к „Боярыне Морозовой“ — 20 калек, кроме того составлено 100 карточек библиографического указателя и 60 карточек—указателя произведений.

Кроме того СПИ имела ряд пленарных заседаний, проходивших при большом количестве участников, на следующую тему:

31/I и 19/II — 1927 г.: „Задачи изучения русского искусства“, рассмотренные в трех обширных докладах: М. В. Алпатова, Н. И. Брунова и Г. В. Жидкова, выдвинувших настоятельную потребность рациональности научной организации работ по изучению русского искусства во всесоюзном масштабе. В результате подробного обсуждения докладов, было вынесено пожелание об организации при СПИ специального Кабинета по изучению русского искусства.

28/I — 1927 г.— доклад К. Ф. Юона: „Классика, новаторство и реальность“.

1/II — 1927 г.— доклад Зуммера „Эскизы Иванова“ (совместно с Социологическим отделением).

За отчетное время секцией были устроены, совместно с Научно-показательной частью, выставки стенописи (см. выше) и акварелей М. А. Волошина, с изданием каталогов.

Графическая комиссия приняла участие в организации выставки по Гоголю. Кроме того, к докладам устраивались однодневные выставки, как, напр., офортов Брэнгвина, литературы по Сезанну, и др.

Секция декоративных искусств

За отчетный период в деятельности Секции декоративного искусства выдвинулась на первый план работа по участию в предпринятом Академией издании Энциклопедии художественных наук. Срочность задания этой работы по необходимости сократила объем занятий по другим направлениям. Между тем словарная работа по декоративному искусству неизбежно встретила большие затруднения. Количество материала по декоративному искусству подавляет обилием. Даже в иностранной литературе по декоративному искусству не имеется сколько-нибудь планомерной теоретической разработки. В этой области главное внимание уделялось до сих пор стороне технической, бытовой и стилистической в смысле суммирования внешних признаков стилей и анализа их эволюции. Более общие понятия до такой степени мало разработаны, что даже самое основное понятие декоративного искусства остается до сих пор крайне спорным и неопределенным. При таких условиях потребовалась некоторая затрата времени, чтобы согласовать самые подходы к работе. Едва ли не самым затруднительным был период составления списка слов. В этой основной работе первоначальным уклоном являлось стремление к возможной полноте. В связи с этим был выработан сводный список в количестве около 4.000 слов. Затем, когда выяснилась нежелательность чрезмерного дробления материала, этот список, согласно с общим планом энциклопедии, был стянут к 200 терминам наиболее широкого или наиболее своеобразного значения. Только после окончания этой предварительной подготовки, по существу своему медлительной, явилась возможность перейти к работе по составлению самых статей. В этом отношении темп работы оказался вполне благоприятным.

Одновременно с словарною работою, особое внимание всей секции в ее целом было привлечено предпринятым Академией изданием Указателя библиографии по искусствоведению. В этом отношении работа также приняла вполне реальные формы. Рядом специалистов уже готовят библиографические списки или карточки по их специальностям.

Переходя к деятельности секции по отдельным ее ячейкам, необходимо отметить, что, при всей недостаточности состава секции, ее постоянною задачею было стремление, соответственно

выработанному плану, возможно полнее охватить главные области декоративного искусства во всей его ширине. Сообразно такому заданию работа ячеек была направлена по наиболее важным отраслям декоративного искусства, каковыми, в особенности, является обработка металла и дерева, искусство ткани и керамики.

Подсекцией теории и эволюции декоративного искусства в первую очередь выдвигались вопросы обработки металла, и, прежде всего, железа, как металла по преимуществу конструктивного и имеющего глубокую связь с современным направлением искусства. Свойствами железа обуславливается современная железная архитектура, и в связи с этим железу, повидимому, предстоит широкое применение в оборудовании и убранстве жилья. 2/II Н. Р. Левинсоном был сделан доклад, развернувший вопросы стиля в обработке железа в связи с систематической классификацией сохранившихся в Москве многочисленных памятников, в виде решеток, оград и ворот художественной ручной работы 18 века.

Тому же вопросу использования железа в качестве материала для высококачественных художественных произведений был посвящен доклад В. А. Никольского на тему: „Искусство и оружие“, заслушанный 27/V. Наконец, доклад Т. Г. Гольдберг, заслушанный 13/V и посвященный „Эволюции искусства кружева“, являлся по своей теме как бы антитезой предыдущих докладов и освещая социологические условия, способствовавшие развитию одного из своеобразнейших видов искусства, давал данные для суждения о том, следует ли считать искусство кружева всецело отошедшим в прошлое или наоборот ожидать нового его расцвета в новых условиях жизни.

В П/секции крестьянского и коллективного искусства руководящими докладами, определяющими направление деятельности этой ячейки, являлись доклады Н. Д. Бартрама на тему: „Методы применения крестьянского искусства в кустарной промышленности“ (28 января). Весьма трудная, общего значения, тема составила предмет доклада В. С. Воронова: „О датировке памятников крестьянского искусства“ (25 февраля). Е. И. Прибыльскою был сделан доклад на тему: „Отражение искусства и быта в крестьянском шитье“. По крестьянской керамике был прочитан доклад Е. В. Поленовой: „О гончарстве в Галиции“ (28 февраля).

В соответственных случаях деятельность Подсекции крестьянского искусства проводилась в контакте с Отделом по изучению искусства национальностей. Подсекцией устроена выставка производственных рисунков и акварелей украинских крестьян.

Специально вопросом керамики занималась, состоящая в составе секции, Комиссия по керамике. Деятельность этой

комиссии в равной мере была направлена как на общее выяснение самых широких основных теоретических вопросов, так и на детальную проверку общих положений по керамическому материалу отдельной строго ограниченной области. К числу работ первой категории относился, главным образом, доклад руководителя комиссии А. В. Филиппова на тему: „О динамической симметрии в строении античных сосудов“ (23 февраля). Основываясь на методах, предлагаемых в последнее время новейшею американскою наукою в лице Гарднера и Гамбиджа, и значительно развивая и расширяя эти методы, докладчик указывал и обосновывал те строго математические формулировки, которые, повидимому, лежат в основе построения наиболее качественных керамических форм. Той же важнейшей проблеме качества формы был посвящен другой доклад А. В. Филиппова, заслушанный 16 февраля и имевший темою — „Недостатки форм фарфоровой и фаянсовой посуды“, при чем, даваемое докладчиком освещение недостатков в форме керамических изделий, в особенности современных, представляло материал не только важный для обоснования теоретических положений, но и ценный в производственном отношении. В том же направлении велась А. В. Филипповым и лабораторная работа, к которой привлечен ряд молодых исследователей. Образцами проверки вырабатываемых общих положений теории керамики на отдельных группах детально разбираемых керамических произведений, являлись доклады Е. Ю. Спасской, анализировавшей кафельное производство Черниговщины и точно оттенившей различия производства в зависимости от обслуживания „панского“ или „селянского“ классов (12/І) и доклады Е. И. Иловайской и П. В. Тарасова, подвергших всестороннему обследованию гончарное производство Узбекистана (9/І).

Кроме того доклад С. В. Филипповой, состоявшийся 4/V, был посвящен „Истории гончарного круга“ и выявлял зависимость керамической формы от технических условий производства.

В связи с намеченным планом работ Театрально-декорационной комиссии, А. М. Эфросом сделан, кроме того, доклад в объединенном заседании комиссии с П/секцией современного искусства Секции пространственных искусств на тему: „Живописцы „Бубнового валета“, как мастера сценической декорации“. Вместе с намеченною к разработке темою: „Итоги конструктивизма на сцене“, здесь будут охвачены основные вопросы эволюции современной сценической декорации.

Музыкальная секция

Общий метод работы Музыкальной секции за вторую половину 1926/27 ак. г. не изменился и сохранились 3 типа научной работы: заслушивание докладов, экспериментальная работа и лабораторная.

Научные заседания пленума Музыкальной секции были посвящены заслушиванию докладов и, по инициативе П/с. теории музыки, — обсуждению проблемы о научном установлении некоторых музыкально-теоретических принципов.

Из докладов отметим: (20/1 и 27/1). В. М. Беляев — „Туркменская музыка“ (2 совместных заседания с Отделом изучения искусств нац. СССР). В докладе указывалось, что формы музыкальных произведений туркмен представляют сходство с формами, разработанными западно-европейской музыкой и конструкции их основаны на одинаковых принципах. Доклад является самостоятельной обработкой докладчиком материалов, собранных В. А. Успенским, во время его экспедиции в Туркмению. 3/II — С. Н. Беляева-Экземплярская „Общее искусствоведение и музыковедение“. Докладчица выясняет спорный вопрос о взаимоотношениях общего и специального искусствоведения. 10/II Н. Я. Брюсова: „Бетховен и современность“. (18/IV) Р. И. Грубер: „Анализ понятия специфической звуковой энергии“. Доклад имеет целью выяснить целесообразность термина „звуковая энергия“. Схема построения докладчика такова: есть три рода энергии: физическая, звуковая и музыкально-логическая, между которыми нет строгого различия и может быть переход из одной области в другую. (7/IV) Г. М. Римский-Корсаков: „Достижения свето-музыки“ — краткий исторический обзор звукоцветовых систем. (14/IV) П. И. Сениця: „Критический доклад о способе записывания украинской песни“. Докладчик устанавливает понятие „песня“, как произведение в целом и „напев“, как вырванный один только голос из песни или комбинация двух голосов и знакомит с некоторыми видами вокальной оркестровки украинской песни.

План работы П/с. теории музыки обнимал три задачи: 1. Вопросы музыкальной формы. 2. Изучение новых течений в музыке. 3. Выяснение сущности революционной музыки.

Однако за отчетный период, в виду весьма небольшого числа заседаний, п/с. занялась лишь темой 1-го пункта.

В П/с. истории музыки в отношении коллективной работы целиком выполнено первоначальное задание и к Бетховенским

юбилейным дням появился 4-ый том трудов подсекции (в печати Музсектора, но как Академическое издание) — „Русская книга о Бетховене“. Сюда вошли статьи и материалы, доставленные почти всеми наличными членами п/с., а равно и ее провинциальными сотрудниками (2 статьи дал профессор М. П. Алексеев — Одесса). К числу „Бетховенских“ работ нужно отнести и устройство (26/III-1927 г.) Бетховенского юбилейного заседания. В программу вошли доклады: З. Ф. Савеловой — „О последних днях Бетховена“; В. М. Беляева — „Бетховен и современная русская музыка“; К. А. Кузнецова — „Бетховен и Сен-Симон“. Музыкальная часть включала редко исполняемую „Союзную песнь“ Бетховена для двух голосов соло, 3-х голосного хора двух кларнетов, двух валторн и двух фаготов. Но если „коллективные“ Бетховенские труды п/с этим ограничились, то индивидуально членам ее пришлось не мало поработать для печати по тому же вопросу. Это придало работе некоторую односторонность, но зато и цельность, против которой возражать едва ли приходится.

Что касается „коллективизма“ в отношении других ячеек ГАХН, то здесь наиболее естественно было участие в заседаниях Социологического отдела (в частности в обсуждение доклада Г. М. Когана „О клавесинистах XVII — XVIII ст.“), а также совместное выступление с Научно-показательным отделом. Помимо Бетховенского вечера, п/с устроила вместе с НПО, „Вечер итальянской музыки XVII — XVIII ст.“ Тут были исполнены: венецианские баркароллы XVIII в., отрывки из интермедии Перголезе — „Ливьетта и Траколло“ и редко исполняемые сонаты Доменико Скарлатти. Для преодоления трудности венецианского диалекта XVIII в. потребовалось любезное содействие профессора 1 МГУ М. В. Сергиевского.

Продуктивной для п/с. была совместная работа с комиссией по изучению новой музыки (ряд докладов В. М. Беляева). Что касается Комиссии по изучению истории русской музыки, то и здесь можно отметить совместные заседания, а также естественное, одновременное участие отдельных членов в работах как подсекции, так и комиссии. В частности, зав. п/с. К. А. Кузнецов сделал в комиссии сообщение о „Дневнике Шевченко 1851—58 г., как историко-музыкальном документе“.

Переходя к индивидуальным работам внутри п/с., отметим некоторые: К. А. Кузнецов: „Скрябин в наши дни“; К. А. Кузнецов: „1 полный каталог сочинений Муцио Клементи“; К. А. Кузнецов: „Среди современников Бетховена-Рейха“; М. И. Медведева: „Антон Рейх, как теоретик эпохи Бетховена“.

Подсекция музыкальной психологии продолжала свою экспериментальную, а равно и теоретическую работу. Велись следующие экспериментальные работы:

1. С. Н. Беляева-Экземплярская и Б. Л. Яворский: „Восприятие ладовых мелодических построений“ (2-я серия).

2. Л. В. Благонадежина: „Исследование музыкального узнавания“. 3. Т. Е. Карповцева. „Исследования восприятия ритмической оформленности интервалов“. 4. Е. А. Мальцева: „Исследование цветного слуха“.

Кроме того велась экспериментальная работа и отдельными участниками группы по исследованию лада (А. М. Авраамов и Цуккерман) не в помещении Академии.

Были заслушаны доклады двух аспирантов ГАХН: Л. В. Благонадежиной — обстоятельный доклад „Учение Курта о мелодическом и его психологическое значение“ (в прениях была подчеркнута чрезвычайная важность работы Курта для музыковедения); (7/VI) Т. Е. Карповцевой: „Предварительный отчет о некоторых результатах, полученных при психологическом исследовании ритмической оформленности интервалов“.

В Группе по исследованию лада был заслушан доклад А. М. Авраамова (23 II:) „48-ми и 84-х ступенная темперация в применении к изучению лада“. Доклад сопровождался демонстрацией соответствующих инструментов и выяснил технические и экспериментальные возможности, даваемые приборами А. М. Авраамова. Последнее заседание подсекции перед летними каникулами было посвящено докладу С. В. Протопопова (8/VI): „Инвенция и симфония;“ И. С. Баха: „Тематический материал и принцип музыкального оформления“. Доклад сопровождался музыкальными иллюстрациями. Подсекция имела два заседания с Комиссией по музыкальной эстетике.

В Комиссии по музыкальной эстетике закончена классификация по отделу форм разнообразия и разработки мотива, произведено подробное исследование основ формообразования самостоятельной мелодии и начата разработка плана исследований по принципу эмоциональности. По этим вопросам Э. К. Розеновым было сделано несколько сообщений. Его же доклад „О подходе исследования принципа эмоциональности в музыкальной эстетике“ был заслушан на двух совместных заседаниях с подсекцией музыкальной психологии.

Комиссия метротектонического анализа продолжала анализ II тома фортепианных сонат Бетховена. План ее работ отчетного академического года в главных чертах может остаться выполненным, а именно: из 46-ти частей II тома проанализированы 13 частей.

Комиссия по изучению истории русской музыки — была занята продолжением работы по изучению архивов по библиографии, по подготовке к печати трудов комиссии (в частности биографии Мусоргского), по изготовлению указателей и справочников комиссии, по составлению бюллетеней комиссии. В комиссии был прочитан ряд докладов: В. М. Беляев — „Романское творчество Глинки“ (31/I). Н. Т. Жегин — „Переписка П. И. Чайковского с Г. Л. Катуаром“ (9/V). К. А. Кузнецов —

„Дневник Шевченко, как историко-музыкальный документ“ (16/V). И А. Ламм — „Переписка П. И. Чайковского и П. И. Юргенсона“ (7/II, 7/III, 4/VI). З. Ф. Савелова — „Некоторые черты музыкальной деятельности Одоевского“ (11/IV). Следует отметить выступление комиссии с Научно-показательным отделом в зале Академии. В программу вечера вошли сцены из оперы „Борис Годунов“ — Мусоргского в оригинальной авторской редакции, с вариантами.

Комиссия по изучению новой музыки, как и раньше, не отделяла своих работ от работ Подсекции истории музыки. Докладчиком от лица комиссии выступил В. М. Беляев, прочитавший доклад: „Свадебка Стравинского“ (8/III) (на заседании совместно с П/с. истории музыки); (22/III) „Джаз и его современное распространение“ (на заседании совместно с П/с. истории музыки); „Памяти Крыжановского“ (3/V) (совм. с П/с. истории музыки и Комиссией по изучению истории русской музыки).

Комиссия по музыкальной энциклопедии была занята работой по Словарю художественных терминов.

Театральная секция

Во втором полугодии 1926/27 акад. года Театральная секция продолжала выполнение своего производственного плана, предусматривавшего собирание и разработку материалов по „Ревизору“ Гоголя и по подготовке материалов для Словаря театральных терминов. Выяснив в предшествующем семестре основное содержание понятий: „Актер“, „Драма“, „Театр“, в отчетном семестре секция проработала индекс словаря, достигший 1560 слов и установила список словарных статей в количестве 403, а также проработала основной план данных статей и произвела разверстку статей по авторам. Словарная работа потребовала также и образования специальной комиссии, которая бы занялась выработкой библиографии по театральным наукам как на русском, так и иностранных языках. Руководительство всеми библиографическими работами взяла на себя Л. Я. Гуревич, сумевшая организовать, для выполнения соответственного списка, группу из молодых научно-подготовленных работников.

Словарная работа явилась коллективным делом всей Театральной секции, но ею не ограничивалась та программа коллективных заданий, которые должна была осуществить секция в истекшем году. Кроме словаря, секция считала нужным коллективно изучать сценическую историю „Ревизора“ и провести фиксацию современной театральной жизни в описательных рецензиях. Само собой разумеется, работа над „Ревизором“ не могла быть закончена в один год, но секция все же успела в течение года провести ряд важных работ как по изучению истории гоголевского текста, так и по раскрытию сценической судьбы комедии Гоголя. В виду особой важности этого задания секции, все доклады, посвященные „Ревизору“, выносились секцией в научные пленумы. Разработав в первом полугодии 1926/27 г. вопросы, связанные с историей сценического текста „Ревизора“, а также всесторонне рассмотрев в докладах В. Г. Сахновского, Н. Л. Бродского, В. А. Филиппова, П. А. Маркова, И. А. Новикова и Н. Д. Волкова постановку „Ревизора“ в ТИМ'е, секция в истекшем семестре заслушала доклад Н. Л. Бродского: „Текстология „Ревизора“, в котором докладчик указал ряд фактов, позволяющих судить о том, что сила воздействия первых постановок „Ревизора“ на зрителей заключалась

в той злободневности, какую Гоголь придал своему произведению, начиная с сюжета и кончая рядом упоминаний в тексте. Н. П. Кашин в докладе (8/III): „Островский и Гоголь“ установил зависимость творчества Островского от Гоголя. Комиссия зрителя вынесла в пленум три доклада, посвященные „Ревизору“. Так, Л. В. Крестова, на основе богатого материала, ею собранного, установила социальные группировки „Зрителей первых постановок „Ревизора“ (24-го марта), а также дала анализ источников „Театрального раз'езда“ (3-го марта). Н. А. Бродский, на основе личных наблюдений, а также изучения всех материалов текущей театральной и общей прессы, дал анализ зрителя „Ревизора“ в ТИМ'е.

Третье задание, стоявшее перед секцией и касавшееся разработки вопросов фиксации современного спектакля встретило, на первых порах, затруднения, в виду того, что оно должно было проводиться на страницах того театрального еженедельника, который предполагала издавать Театральная секция в истекшем году и который не осуществился по независящим от секции обстоятельствам. Тем не менее секция сочла возможным приступить к составлению сборника— „Русские классики на московских сценах в период революции“, при чем составление соответственных статей взяли на себя В. А. Филиппов, В. Г. Сахновский, П. А. Марков и Н. Д. Волков. Выяснению же принципов описательной рецензии было посвящено специальное заседание Комиссии современного театра.

Ставя, кроме того, одним из своих заданий подведение итогов, касающихся современной театральной жизни, секция, на своих публичных пленумах, заслушала доклады: д-ра И. Грейгера— „Театр в Австрии“ (12/IV), прочитанный на немецком языке и сопровождавшийся демонстрированием диапозитивов, и Н. Д. Волкова— „Театральная Москва сегодня“ — 24/IV.

Надлежит попутно отметить, что связь секции с разработкой проблем современной театральной культуры в этом году имела не только теоретический, но и практический характер. Секция, в лице четырех членов ее: В. А. Филиппова, П. А. Маркова, В. Г. Сахновского и Н. Д. Волкова, приняла участие в тех совещаниях по театральной политике, которые проводились НКП, при чем основной доклад о „Современной драматургии“, по поручению наркома по просвещению, был возложен на В. А. Филиппова. Ряд предварительных заседаний, на которых, кроме членов секции, принял участие и Президент Академии П. С. Коган, подготовил материалы для означенного совещания.

До сих пор говорилось только о тех работах, которые ячейки секции вели в плане коллективных заданий, но, кроме того, каждая из п/секций и комиссий имела свой собственный производственный план, который и осуществлялся ими в течение года.

Историческая п/секция, продолжая предусмотренное планом изучение крепостного театра, заслушала доклад М. Д. Прыгунова, разрабатывающий до сих пор неизвестные архивные материалы, — „Постановка „Самнитских браков“ в Кусковском театре“.

Проблема зрителя прошлого была освещена в докладе Л. Я. Гуревич: „Зритель Парижских театров времен Мольера“. Истории драматургии был посвящен доклад С. К. Шамбинаго: „Об одном загадочном переводе 30-х годов“. История западного и восточного театра нашла себе отражение в докладах: И. Грейгора (см. выше) и Д. Арсенишвили — „Грузинский театр и Восток“. Наконец, методике истории театра был посвящен доклад Б. В. Варнеке: „По каким источникам должно строить историю театра“.

В производственном плане п/секции стояло изучение Московского театра феерии и оперетты. В течение года этот вопрос стоял также в порядке деятельности п/секции. Группа молодых работников вела работу по изучению архива М. В. Лентовского, под руководством В. Г. Сахновского и А. А. Бахрушина и результаты этого исследования должны составить специальный труд данной п/секции.

Наконец, в конце года п/секция совместно с Комиссией революционного театра приступила к организации театральной выставки к 10-летию Октябрьской революции. В этом же году п/секция, в лице своих представителей, принимала участие в работах Комитета по устройству выставки по крепостному театру, состоявшейся в помещении Государственного театрального музея имени А. Бахрушина.

П/секция психологии сценического творчества в истекшем семестре продолжала начатую в предыдущие годы работу по собиранию и разработке анкет о творческом процессе актера, заключающих в себе ответы на 68 вопросов. Необходимость накопления материалов по изучению творческого процесса актера побудило п/секцию устроить ряд докладов, посвященных творческой деятельности отдельных представителей русского театра. Член-корреспондент Театральной секции А. П. Петровский взял на себя труд, на основе богатых личных впечатлений, дать характеристику творческих личностей Савиной и Комиссаржевской (31/I), а сотрудница Физико-психологического отделения В. П. Дитиненко (I/III) делала доклад о творческой личности Степана Кузнецова. Наконец, С. Н. Дурылин (15/III), на основе также личных воспоминаний, сделал плодотворную попытку дать портрет Артема — Артемтева, как художника и человека. Все перечисленные выше работы по секции велись в соответствии с производственным планом, согласно которому п/секция собирает и разрабатывает материалы по изучению творческого процесса актеров (и режиссеров) и материалы по вопросам о типичных особенностях разных

актерских школ. П/секция работала и работает, как и в предыдущие годы, на основе непрерывности своих работ в течение ряда академических лет. Истекший сезон помог п/секции не только увеличить непосредственные материалы, но и продвигнуть значительно вперед их научную обработку.

Теоретическая п/секция и комиссия современного театра работали в этом году в тесной связи друг с другом. Производственный план Теоретической п/секции предусматривал в этом году, прежде всего, изучение общих теоретических проблем театроведения и театральной критики. Здесь в первую очередь была проделана указанная нами работа по всестороннему освещению понятия „Театр“, на что ушло 6 заседаний. Затем сюда же должен быть отнесен доклад П. М. Яковсона на тему: „Понятие Театр“. Особое внимание п/секция уделила разрешению вопроса о теоретических основах построения спектакля в современных театрах. Здесь особенный интерес представил доклад В. Г. Сахновского (3/II) на тему „Режиссерский текст (режиссерский экземпляр)“, где докладчик, на основе богатого личного опыта, сделал ряд выводов относительно анализа природы режиссерского искусства. Вопросы вещественного оформления были затронуты А. М. Эфросом в докладе: „О театральных декорациях в современном русском театре“. (Последний доклад был устроен совместно с Секцией декоративных искусств). Наконец, сюда же должны быть причислены доклады: А. П. Гроссмана (31/III) — „Театр Сухово-Кобылина“ и В. Г. Сахновского (31/III) — „Анализ трилогии Сухово-Кобылина в плане режиссерского толкования“. По линии изучения теоретических основ драматургии был в текущем году заслушан доклад С. Д. Балухатого (5/V): „Поэтика мелодрамы“. Этот доклад был также совместным, на этот раз с П/секцией теоретической поэтики Литературной секции.

Комиссия современного театра поставила своей целью в текущем году углубленно проработать ряд основных проблем, относящихся к театральной политике и оценке современного театрального момента. Необходимость накопления материалов для совещания в НКПросе заставило комиссию совместно с П/с. теории выдвинуть доклад Н. Д. Волкова (17/II) о „Советской театральной критике“ с участием в его обсуждении П. С. Когана, официального докладчика по этому вопросу на театральном совещании НКПроса. Наконец, к числу докладов на проблемы текущего дня нужно отнести сообщение П. А. Маркова: „О сценическом оформлении современных пьес“, где докладчик подробно остановился на понятии реализма в современной драматургии. Работа по составлению описательных рецензий также нашла свое отражение в занятиях комиссии. Приняв решение о выпуске специального сборника, посвященного русским классикам на

московских сценах, комиссия в специальном заседании обсудила те принципы, на которых должна строиться описательная рецензия.

Комиссия революционного театра, самая молодая из комиссий секции, вела работу прежде всего по накоплению тех материалов, которые помогли бы в дальнейшем реорганизовать комиссию в Кабинет революционного театра. В расчете на этот кабинет, комиссия выработала текст обращения к учреждениям и лицам о сообщении документального и иконографического материала, и накапливала карточки для картотеки событий в театральной жизни послеоктябрьского периода. Приближающееся 10-летие Октябрьской революции побудило комиссию выдвинуть проект издания специального театрального сборника, где бы даны были материалы о театральных начинаниях революционного времени. План этого сборника подвергся всестороннему обсуждению и для проведения его в жизнь была избрана специальная Редакционная комиссия. Вместе с тем комиссия начала, совместно с Исторической п/с., подготовительную работу по организации специальной театральной выставки тематического характера.

Особое внимание комиссия уделила тем формам революционного театра, которые мало освещаются в периодической печати и специальной литературе. Таков крестьянский самодеятельный театр, которому был посвящен доклад Л. А. Субботина (19/IV). Это заседание комиссии было устроено совместно с Комиссией изучения революционного искусства Социологического отделения. Этот доклад был особенно ценен тем, что Л. А. Субботин, для его построения, использовал обширные материалы журнала „Деревенский театр“, „Крестьянской газеты“ и ЦД искусства в деревне ГПП. Чрезвычайно важный вопрос о том, что представляет собой современный провинциальный театр и какие произошли в нем революционные сдвиги, побудил комиссию устроить доклад работницы Главполитпросвета Н. С. Семеновой (27/I), которая, на основе личных обследований и материалов ГПП, нарисовала широкую картину положения провинциального театра и его художественной деятельности за последние годы.

Комиссия зрителя, кроме докладов, посвященных „Ревизору“, выдвинутых на пленум, или рассмотренных в исторической п/секции и дававших социологическую реконструкцию зрителя прошлого, заслушала доклады: И. М. Клейнера—„Изучение зрителя ТЮЗ'ом в Ленинграде“ (20/I), Трояновского—„Опыт характеристики рабочего зрителя“ (29/III) и его же—„Зритель цирка и мюзик-холла“, Н. А. Попова—„Левая изореклама и потребитель“ (последний доклад совместно с Кабинетом художественной пропаганды и агитации). В настоящее время, при помощи О. Э. Чайановой, комиссия проводит краткую анкету о современном зрителе Москвы, имеющую целью установить характер вкусов

и требований зрителей Московских театров и их социальный состав.

Комиссия автора, кроме выполнения коллективных заданий секции, заслушала доклады: В. В. Яковлева на тему—„Судьба Пушкина на сцене“ и И. М. Клейнера—„Социологический анализ трилогии Сухова - Кобылина“ (совместно с Социологическим отделением). Проблема современной драматургии нашла свое отражение в двух докладах: И. А. Новикова — „Драма современного драматурга“ (10/II) и его же—„Принципы и формы современной драматургии“ (24/III), где была сделана попытка разобраться в тех своеобразных условиях, в которых развивается после-революционная драматургия, обрисовать те этапы, которые она проходит и выявить те условия, которые способствуют или мешают ее развитию. Оба эти доклада обсуждались в связи с вопросами текущей театральной политики.

Кино-кабинет

Деятельность Кино-кабинета во втором полугодии 1926/27 ак. года протекала в том же направлении, что и в первом. Главная его работа была сосредоточена в пленарных заседаниях и организации Кино-музея.

За второе полугодие 1926/27 г. состоялось девять пленарных заседаний с докладами: С. Д. Васильева — „Основы монтажа“ (два заседания), А. И. Ярхо — „О задачах антропологического изучения кино-актера“, К. И. Фельдмана — „Роллс-Ройс или Форд“ (к определению характера советского кинопроизводства) и сообщение т. т. Комарова и Королева об изобретенном ими проекторе с непрерывным движением пленки. Кроме того в этом полугодии было организовано три научных просмотра картин: „Верное сердце“ — Ж. Эпштейна (вступительное слово Т. И. Сорокина), „Человек и ливрея“ — Мурнау и „Варьетэ“ — Дюпона.

Доклад С. Д. Васильева, обсуждавшийся в двух заседаниях пленума, сопровождался интересными демонстрациями подобранных им отрывков различного метража, позволяющих наглядно видеть количество действия, вкладывающегося в тот или иной метраж пленки. Помимо этого, докладчиком был представлен материал для установления планов и их взаимоотношений в монтаже.

При обмене мнений по вопросам, затронутым в докладе, обнаружилась потребность в выработке твердой научной терминологии кино. В частности, собранию пришлось уделить много времени точной формулировке определения такого ходкого понятия в кино, как «кадр». Собрание согласилось с необходимостью отказаться от применения этого термина к отдельному „снимку“ („кадрику“) фильма. „Кадр“ решено определять, как определенную часть пространства, снятую с определенной точки зрения аппаратом на определенной длине пленки, и содержащую связанное действие. Дальнейшую проработку терминологии кино решено сделать одной из основных задач работы Кино-кабинета.

Доклад А. И. Ярхо: „О задачах антропологического изучения кино-актера“ выдвинул интересную проблему о человеческом материале в кино. И поскольку этот материал является, по мнению докладчика, основным в кино — необходимо всестороннее изучение этого материала. Это изучение должно вестись на основе психо-физиологических принципов, что даст возможность

сделать научный отбор пригодных для кино индивидуумов и составить соответствующую картотеку.

Для пленума была особенно интересна сама постановка этого вопроса. В прениях была отмечена сложность вопроса и необходимость в первую очередь накопления необходимого материала, принимая во внимание специфические особенности экранного искусства. Составление картотеки желательно не только описательное, но и с достаточным фотографическим материалом.

Докладом К. И. Фельдмана: „Роллс-Ройс или Форд“ была поставлена на очередь чрезвычайно интересная тема: „Какая же картина нужна советскому производству, какая картина наиболее выгодна — дешевая или дорогая“. Доказывая последнее, докладчик привел в обоснование своих доводов солидный цифровой материал. В прениях был затронут и подвергнут всестороннему анализу основной тезис доклада: всегда ли размер затрачиваемых средств обеспечивает художественную ценность картины.

Научным просмотром картины „Верное сердце“ — Ж. Эпштейна была выдвинута тема о специфических особенностях искусства кино, исключительной выразительности кинематографического языка, его бессловесной убедительности. В вступительном слове докладчика Т. И. Сорокина и прениях было отмечено, что картина „Верное сердце“ является лучшим образцом и подтверждением теоретических положений Ж. Эпштейна, что искусство кино — искусство самостоятельное, автономное, существенно отличное от других искусств.

Научный просмотр картины: „Человек и ливрея“ выдвинул вопрос о немецкой кинематографии. В прениях было указано на особое значение, которое немцы в своих работах уделяют таким техническим приемам, как свет. Это организующее начало света является доминирующим в последних работах немецких режиссеров. На ряду с этим была отмечена литературность развития сюжета, влечение к технике ателье, растянутость действия и излишний театральный психологизм игры главного действующего лица этой картины — Янингса. Некоторыми товарищами было высказано, что типичный для немцев излишний психологизм в кино вообще требует кинематографической обработки, чтобы не быть утомительным зрителю.

Последнее научное заседание в этом полугодии было посвящено просмотру картины Дюпона — „Варьетэ“. В прениях почти единодушно отмечены исключительные достоинства этой картины, чрезвычайно удачное кинематографическое разрешение отдельных мест психологической драмы, удачное использование материала, выразительный монтаж, во многих случаях исключаящий помощь надписей и тонкая игра артиста Янингса, сделавшего на этот раз большой шаг от театра к кино.

В связи с сообщением т. т. Комарова и Королева об изобретении ими проектора с непрерывным движением пленки, пленарное заседание вынесло постановление продемонстрировать новое изобретение в одном из заседаний Кино-кабинета по его изготовлению.

Кроме того в этом году Кино-кабинетом была организована в стенах Академии Выставка кино-литературы и выпущен, в связи с этой выставкой, первый Каталог по кино-литературе с руководящими статьями по разным странам.

Отдел по изучению искусства национальностей СССР

Работа отдела за истекший период развертывалась по линии, намеченной в предыдущем полугодии. Было проведено 13 заседаний организационно-распорядительного характера. Большое число заседаний подобного рода объясняется тем, что отдел еще находился в стадии организационного оформления. Другая причина лежит в своеобразии задач отдела, заставлявших его устанавливать связь с различными политическими (полпредствами), культурными и учебными заведениями, так или иначе захваченными вопросами художественной культуры народов Союза. Отдел всеми способами старался и старается привлечь к участию в своей деятельности специалистов отдельных республик и широкие общественные круги национальностей, в особенности учащуюся молодежь.

В наиболее осязательном виде результаты установки этой связи отдела выразились, во-первых, в получении 38 ответов на разосланную отделом анкету, имеющую целью выяснить положение искусства на местах, во-вторых, в проведении в Члены корреспонденты ГАХН'а работников по искусству национальностей (пока утверждены: В. М. Зуммер, М. Г. Сыркин, Н. Б. Бакланов, У. А. Боданинский, Ф. М. Эрнст) и, наконец, в третьих, в устройстве 4-х вечеров.

В первом вечере (4/II—1927 г.) А. М. Авраамов прочитал доклад: „Музыка народов СССР“. В этом докладе, несколько парадоксальном по своему содержанию, он указал на неизведанные возможности в смысле преобразования и расширения канонизированной теперь в Европе, музыкальной гаммы, которые кроются в примитивных формах музыкального творчества народов Востока.

Второй вечер: „Кавказские народные сказатели и певцы“ (4/III—1927 г.) при переполненном зале, открылся вступительной речью проф. Н. Ф. Яковлева, отметившего связь, существующую между культурно-бытовым укладом жизни народов Кавказа, от самого примитивного до чрезвычайно-утонченного, и их поэзией. Артист 2-го МХАТ А. Н. Глумов, в национальном костюме и гриме, в двух исполненных им кабардинской и осетинской легендах дал попытку художественного вчувствования и сценической интерпретации приемов народных сказателей. Артисты

Кавказа познакомили участников вечера с различными видами искусства этой страны (музыка на народных инструментах, пение, пляска).

Третий вечер: „Чувашское искусство“ (17/III—1927 г.), начался приветствием проф. Б. М. Соколова Чувашской республике. Зам. председ. Чувашской АССР при През. ВЦИК, Т. Д. Алексеев в докладе „Пути чувашской культуры“ привел краткий исторический очерк культурного развития чувашского народа со времен глубокой древности и до наших дней, когда, под стягом Октябрьской революции, художественные способности этого даровитого народа стали разворачиваться с чрезвычайной быстротой и яркостью. Управляющий хором чувашских студентов тов. Максимов в специальном докладе уяснил состояние музыкальной культуры Чувашии. Чувашское искусство на вечере было представлено весьма разнообразно: и музыка, и хор, и поэзия, и кино, и живопись (выставки ЦМН и Чувашского музея в Чебоксарах).

Четвертый вечер: „Памяти Шевченко“ (19/IV—1927 г.) сопровождался тремя докладами. В. Л. Львов-Рогачевский, в докладе „Шевченко, как поэт“, указал на место, занимаемое украинским художником слова в ряду поэтов крепостной эпохи. Особенное внимание было остановлено докладчиком на прослеживании эволюции Шевченко, постепенно переходившего от тем национально-романтического характера к темам социального порядка. А. В. Бакушинский, в докладе „Шевченко, как художник“, подчеркнул неразрывную связь двух элементов творческой личности Шевченко—художника и поэта. В свете социологического анализа докладчик наметил, затем, этапы развития Шевченко: его уход от традиции Брюлова к реалистическому жанру, в духе Федотова. Н. К. Гудзий прочитал неопубликованные письма Шевченко к Аксакову, представляющие большой интерес как в биографическом отношении, так и в смысле освещения попыток украинского поэта дать образцы прозы на русском языке. Музыкально-вокальная часть на этом вечере была представлена артисткой ГАБТ Макаровой-Шевченко, концертмейстером А. М. Мендельсоном, заслуженным артистом республики А. М. Дорошевичем и др.

Все эти вечера прошли при содействии НПЧ. Количество участников вечеров колебалось от 120 до 300 чел.

Помимо вечеров, популяризирующих художественную культуру советской республики, отдел провел в истекшем периоде 4 научно-исследовательских доклада. Из них два были устроены по инициативе других ячеек Академии: 1) „Туркменская музыка“ В. Беляева (20/I—1927 г.) совместно с Пленумом музык. секции, 2) „Мордовские свадебные причитания“ Абузова (7/III—1927 г.) совм. с Фольклорной п/с. Сведения об этих докладах находятся в соответствующих отчетах ячеек.

По инициативе самого отдела состоялись два доклада:
1. В. М. Зуммера—„Искусство Азербайджана“ (27/1—1927 г.) совместно с НПЧ. Докладчик поставил своей главной задачей указать на различные периоды в развитии архитектуры этой страны проследить своеобразное обживание персидских форм в местном искусстве, а также уловить обще-турецкий экспрессионизм и геометризацию узора, свойственную кочевникам. В прениях была отмечена ценность доклада, открывшего новую страницу в мало исследованном до сих пор искусстве Азербайджана. Отмечалась связь византийской культуры с искусством Востока и широкие параллели (например, в ориентации пространственных масс) искусства восточного и древнерусского; было обращено также внимание на возможные перспективы развития кустарного (коврового) промысла Азербайджана.

2. П. А. Расторгуева — „Украинско-белорусская литература“, как предмет научного изучения (16/II—1927 г.) совместно с литературной секцией. Основные положения доклада сводились к ограничению понятия литературы украинской и белорусской, возникших, как самостоятельный вид самобытного творчества, к концу XVIII в. Это творчество, по мнению докладчика, имеет высокий художественный интерес. Доклад вызвал оживленные прения, в результате которых выяснилось, что обе литературы необходимо вовлечь в круг внимания не только русских словесников, но и читающей публики вообще; подавалась мысль к организации особой группы исследователей этих литератур при отделе.

По инициативе отдела Академия организовала особый комитет для устройства Всесоюзной выставки „Искусства национальностей СССР“, под председательством П. С. Когана. В этот комитет от отдела вошли: зам. председателя комитета Б. М. Соколов, и члены президиума: Я. А. Тугендхольд и В. Л. Львов-Рогачевский. Отчет о выставке будет помещен позднее.

Вся работа отдела по изучению искусства народов СССР протекала под лозунгом; изучение искусства национальностей должно быть делом самих национальностей. Основные затруднения в деятельности отдела лежали в недостаточной развернутости штатов. Переходя от предварительной организационной работы к проведению своего плана, отдел в дальнейшем предполагает опираться на кабинет, который должен возникнуть в результате „Всесоюзной выставки“.

Библиологический отдел

Центральным вопросом, занимавшим отдел в отчетном году, было изучение печатной книги, что выразилось в количестве заседаний П/отдела истории и теории книги и в количестве представленных им на пленум докладов. Большая работа была также проделана по организации библиографии искусствоведения, при чем, в виду важности вопроса, обсуждение его протекало в значительной части в пленарных заседаниях при участии представителей ряда заинтересованных ячеек ГАХН.

Каждый п/отдел имел свои конкретные задания, о которых будет сказано ниже: тем не менее проделанная работа должна быть рассматриваема, как работа отдела в целом, так как все вопросы более широкого или общего значения выносились на пленум, и каждая ячейка, помимо своего специального задания, участвовала в разработке общих. Заседания п/отделов были посвящены или более узким темам или подготовке материалов для пленума. Такую же подготовительную работу, помимо распорядительной и организационной, вел также Президиум отдела.

В программу работ П/о истории и теории книги, помимо продолжения работ ранее начатых, вошла новая тема, а именно: „Современная книга и ее элементы“. Ближайшим образом был подвергнут коллективной разработке вопрос о титульном листе. Вступлением послужил доклад Н. Ф. Гарелина: „Генезис титульного листа“ (2/XII), в котором докладчик поставил себе задачей отметить теоретическое значение и характерные признаки титульного листа (определение понятия), а также проследить его возникновение и эволюцию за первые сто лет книгопечатания. Методологии вопроса посвящен был второй доклад на тему: „Программа изучения титульного листа“ (17/II), сделанный Н. Ф. Гарелиным. После детального обсуждения и внесения некоторых дополнений и изменений, программа была утверждена П/отделом и отдельные части распределены между участниками. Осуществлению намеченного были посвящены доклады: Н. И. Пожарского: „Основные моменты эволюции титульного листа французской книги XVIII в.“ (19/V) и А. И. Кондратьева: „Историко-социальный анализ развития книжной обложки“ (31/III).

По циклу „Русская иллюстрированная книга“ было заслушано 4 доклада. А. А. Сидоров сделал доклад на тему: „Иллюстрация русских классиков за революционный период“ (21/X) в котором, пользуясь конкретной темой (иллюстрации к Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Достоевскому, Некрасову и т. д.), привлекая многочисленные и крупные художественные силы, проследил эволюцию русской графики за указанное время. Охарактеризовав мощный под’ем и разносторонние достижения, докладчик отметил, вместе с тем, критическое положение, создавшееся для иллюстрированной книги за последний год в связи с напряженностью издательского дела и необходимостью строгой экономии.

М. А. Добров сделал доклад на тему: „Программа работы по составлению реестра русских иллюстрированных изданий за период с 1860 по 1869 год“ (20/I), легший в основу производственной работы п/отдела. М. И. Фабрикант прочел доклад на интересную тему „Научная иллюстрация“ (24/II), в котором сообщил большое количество новых материалов по истории литографии в России и указал на важность научной иллюстрации для изучения деятельности отдельных художников. В связи с докладом был окончательно решен в положительном смысле вопрос, не раз уже и раньше обсуждавшийся п/отделом, о включении научной книги в программу изучения русской иллюстрированной книги. Доклад М. А. Доброва: „Систематика иллюстрированных техник“ (5/V) имел задачей систематизировать на основании научных принципов многочисленные иллюстративные процессы и ввести более разнообразную терминологию. Кроме того п/отделом подготавливался план выставки по современным иллюстративным техникам (организационный доклад М. А. Доброва).

По циклу „История русских типографий“ заслушаны доклады: В. Я. Адарюкова—„Сенатская типография“ (новые данные и сводка ранее опубликованных) (11/XI) и Е. В. Благовещенской: „Реестр продукции русских типографий за период с 1708 по 1850 г.“ (12/V). Последний доклад явился отчетом о произведенной Отделом истории книги Гос. Исторического музея (гл. обр. самой докладчицей) работе, окончание которой должно расцениваться, как явление первостепенной научной важности для изучения русской книги. Трудями Отдела истории книги ГИМ создано твердое основание, на котором может базироваться дальнейшее исследование, между прочим, исследование БО, работающего в ближайшем контакте с Отделом истории книги ГИМ.

По циклу „Искусство книги на Западе“ прочтены три доклада П. Д. Эттингером: „Международный с’езд библиофилов и библиотекарей в Праге и связанные с ним выставки“, (28/X) „С’езд польских библиофилов и новейшее книжное искусство

в Польше“ (20/IV) и „Новая литература по экслибрисам“ (9/VI). Большинство перечисленных докладов сопровождались демонстрацией книг, таблиц и схем.

Кроме того заслушаны доклады: Д. С. Усова — „Новейшая русская литература в Германии“, Н. М. Куфаева — „Библиография, библиофилия и библиомания“ (определение, анализ и оценка явления) (29/XI) и И. Л. Поливанова — „Материалы для истории Пушкинского экземпляра „Путешествия Радищева“ (27/I).

Далее, одно из заседаний пленума посвящено было заслушиванию трех сообщений из области истории и теории книги. Первое, принявшее размеры доклада, было сделано М. А. Добровым и касалось „Новейших наборных обложек“, представленных 3-ей типографией Мосполиграфа для отзыва. Сообщение П. Д. Эттингера на тему: „Выставка и каталог“ касалось проблемы выставочного каталога и сопровождалось демонстрацией новейших каталогов, изданных во Франции, Англии и СССР; сообщение Н. Ф. Гарелина представляло собой обзор новейших данных по интересному и мало известному у нас вопросу о возникновении и распространении книгопечатания в Китае. Всего п/о имел 19 докладов, из которых 9 были заслушаны в пленарных заседаниях. П/о имел 12 заседаний.

Производственная работа п/о заключалась в составлении картотеки русских иллюстрированных изданий (за время 1860—64 г. и за 1925 г.), подборе образцов иллюстрированных техник и в составлении классификационных схем и диаграмм иллюстрированных техник. Выполнено 10.682 карточки и составлено 16 схем и диаграмм.

Основным предметом занятий П/отдела библиографии была организация библиографической работы по вопросам искусства. П/о-лом был выдвинут план „Библиографии по искусству за 10 лет“, долженствующий охватить книжную и статейную (из журналов общего и специального содержания) литературу по искусству на русском языке, вышедшую в пределах СССР в течение революционного периода. Этой теме были посвящены три доклада: М. И. Фабриканта — „Положение библиографии по искусству на Западе и в Союзе“, Н. Ф. Гарелина — „Общие принципы библиографии научной литературы“ (оба 4/XI) и Н. Ю. Ульянинского — „Постатейное описание периодики по искусству за 1926 г.“ (13/I), — три совещания с представителями ячеек ГАХН (4/XI, 7/IV и 18/V), одно заседание п/о-ла (13/I) и несколько заседаний Президиума БО. Был выработан и разослан план, а также список журналов, подлежащих расписанию, велись переговоры с ячейками, получены отзывы ряда ячеек. В настоящее время предположено ограничиться составлением библиографии по общим вопросам и по пространственным искусствам, но вместе с тем намечено ежегодное продолжение библиографии в

указанных размерах. Попутно п/о-лом достигнут ряд соглашений с ячейками, ведущими библиографическую работу по разделению труда, а также начаты переговоры с Центральной книжной палатой РСФСР по осуществлению издания ежегодной библиографии по искусству.

К теме библиографии по искусству принадлежит также доклад Н. К. Пиксанова: „Работа по составлению библиографии русской периодики по искусству“ (9/XII). Далее были заслушаны доклады на следующие темы: методология библиографии—доклад Н. Ю. Ульянинского: „Библиографическое розыскание — эвристика“ (18/XI) по библиотековедению — доклад Н. И. Пожарского и Д. С. Усова: „Библиотека И. Ф. Анненского“ (16/XII) и по статистике книжной продукции—доклад Е. С. Левина „Мировая книжная продукция“ (3/II).

П/о-лом представлено 8 докладов, из которых 4 были заслушаны в пленуме; П/о имел 3 самостоятельных заседания.

Производственная работа заключалась в составлении библиографической картотеки по искусству, главным образом, за 1926 и 1927 г.г. (составлено 4.447 карточек) и в постатейной росписи иностранных журналов, получаемых библиотекой ГАХН (выполнялась средствами библиотеки; составлено 5016 карточек).

Библиографическая и биографическая картотека работала под руководством В. Я. Адарюкова, преимущественно по заданиям СПИ. Ею выполнено: 559 справочных карточек современных русских художников, 1361 био-библиографических карточек русских художников XVIII-XX в.в. Кроме того, средствами СПИ выполнено 13 анкет художников и средствами БО—5 анкет книжных деятелей.

П/отдел палеографии темой своих работ имел искусство письма и связь его с печатным шрифтом; этой теме были посвящены два доклада: Ф. А. Петровского—„Неизвестный критик русского гражданского шрифта“ (критика художественной ценности печатного шрифта) (9/XII) и Н. П. Попова—„Книжные писцы Пскова и Новгорода XVI века“ (28/IV). Тема шрифтов XVI века выбрана, как чрезвычайно важная по своему художественному значению и кроме того—по связи с первопечатными шрифтами. Она же легла в основу производственной работы п/о-ла, выразившейся в подборе материала для фотографирования в целях составления подсобной Коллекции по изучению искусства письма. Доклад Н. П. Попова: „Книжные обычаи на Руси“ (10/II) касался общей установки взгляда на рукописную книгу. Доклад Н. Д. Протасова, посвященный анализу малоизвестной и художественно высокоценной болгарской рукописи, касался искусства письма в широком смысле. П/отдел представил 4 доклада и имел 4 заседания.

П/отделом археографии заслушаны доклады о двух частных рукописных собраниях (доклад Н. К. Пиксанова: „Архив

П. В. Засодимского" (14/X) и доклад В. В. Голицына „Собрание автографов А. В. Васильчиковой“ (25/XI), два доклада по методологии (Н. Ф. Бельчикова: „Археография и литературные фонды“ (14/X) и „Основы современной археографии“ (16/VI) и один доклад по рукописям А. С. Пушкина (И. К. Линдеман: „Графология Пушкина по рукописи „Бахчисарайского фонтана“ (10/III); последний, а также развернувшиеся вокруг него прения, касались также методологии, а именно вопроса о методах палеографического и графологического изучения почерка. В плане производственной работы п/о-лом произведены обследования 11 архивов типографий. Далее п/о-лом разрабатывается чрезвычайно важный вопрос о привлечении специалистов судебной фотографии к опытам по прочтению зачеркнутых и выцветших мест в рукописях литературного значения. П/отдел представил 5 докладов и имел 5 заседаний, в том числе одно совместное с п/отделом истории и теории книги.

Выставочная деятельность БО за отчетный период ограничилась устройством летучих выставок для иллюстрации докладов и выставки в ознаменование 75-летия со дня смерти Н. В. Гоголя. Последняя содержала: автографы Гоголя и близких ему лиц, прижизненные издания, библиографию библиографий Гоголя, избранные иллюстрированные издания, заграничные иллюстрированные издания, иконографию Гоголя, юбилейную гоголевиану. Экспонаты принадлежали к собраниям: ГАХН, С. Н. Дуриллина, Н. Ю. Ульянинского, Гос. музея изящных искусств, Б-ки Гос. исторического музея, П. Д. Эттингера, Л. В. Горнунга и М. А. Доброва. Среди выставленного было не мало редких и ценных объектов. Отдел пользуется случаем выразить свою глубокую признательность всем учреждениям и лицам, доставившим экспонаты на выставку. В организации выставки приняли участие СПИ, Литературная секция и Научно-показательная часть.

Помимо внутренней работы можно отметить интенсивное участие БО в работе ряда других учреждений и организаций. Представители отдела работали в конференции Графического факультета ВХУТЕМАС'а, в Оргбюро и Исполбюро II Всеросс. библиографического с'езда, на самом с'езде (при чем Н. Ю. Ульянинским прочитан доклад на теоретическую тему), на 2 конференции научных библиотек, в Центр. книжной палате РСФСР (в Ученом совете и Терминологической комиссии), в Комиссии по сводному каталогу иностранной периодики, в Комиссии по изучению книги при ГИЗ'е, в Русском библиографическом о ве и в О-ве друзей книги. Кроме того, отдел поддерживал постоянную связь с Публичной б-кой СССР им Ленина, отделом истории книги Гос. исторического музея и Гос. музеем изящных искусств. Член БО М. А. Добров экспонировал ряд своих работ на художественных выставках СССР и за границей.

В начале отчетного периода, в личном составе отдела произошли перемены, а именно: зав. отделом Н. К. Пиксанов отказался от занимаемой им должности. Отдел постановил выразить Н. К. сожаление по поводу оставления должности заведующего и благодарность за понесенные труды. Заведывание было возложено на М. А. Доброва, при ближайшем участии в делах отдела ученого секретаря ГАХН А. А. Сидорова.

Психофизическая лаборатория

Во втором полугодии 1926/27 ак. года лаборатория имела ряд законченных экспериментальных серий, по которым сотрудники дали отчетные доклады.

В совместном заседании с Комиссией по изучению восприятия пространства Физико-психологического отделения был заслушан (17/II 1927 г.) доклад Н. П. Ферстер на тему: „О взаимоотношении двигательного и зрительного моментов при восприятии пространственных форм“. О данном докладе упомянуто выше. В обсуждении доклада высказывалось пожелание о проведении некоторых дополнительных серий по принципу, выдвинутому докладчицей, об'ективной изоляции в восприятии того и другого момента, чтобы обезопасить вывод автора от возражений, указывающих, что суб'ективно легче вскрываются в воспроизведении зрительные, чем двигательные элементы.

С. С. Толстой, закончив первый ряд опытов по серии, посвященной вопросу о эстетической оценке цветов, прочел доклад на тему: «Эмоциональное воздействие изолированных цветов» (24/III 1927 г.) Исследование прежде всего вскрыло индивидуальные различия в эмоциональной реакции испытуемых на цветовые впечатления. Докладчик представил несколько модифицированную, по отношению к выдвинутым в литературе, схему типических реакций, различающую четыре основных типа: 1) реакция комплекса, 2) реакция воспроизводящего или конструирующего воображение, 3) чисто ассоциативная реакция и 4) действие прямого фактора цветности. Исследование выясняло роль отдельных факторов в отклонении эмоциональной оценки цветовых впечатлений от среднего безразличия. В обсуждении указывалось, что сложная задача, ставившаяся испытуемым в данном исследовании, выдвигает необходимость сделать его исходным пунктом ряда опытов, расчленяющих задачу.

О. И. Никифорова в докладе (31/III 1927 г.) на тему: „О восприятии геометрической композиции картин и проблеме ее об'ективности“ поделилась результатами произведенных ею экспериментов. Эти результаты касаются прежде всего расчленения процесса восприятия на несколько стадий: 1) первичного восприятия, 2) определения образа композиции и 3) выделения линий, развертывающих содержание образа композиции. Кроме анализа общего процесса получения композиционной схемы, исследование наметило типические различия в восприятии композиции

и указало соотношение этих различий с наличием или отсутствием художественной подготовки у испытуемых, и, кроме того, развитие процесса восприятия под влиянием упражнения. Докладчица указала и некоторые условия объективности, т.е. совпадаемости восприятий геометрических элементов в картине. В обсуждении работы указывалось на необходимость введения в исследование цветных картин и выделения в предложенной автором классификации типов восприятия композиции моментов общепсихологических и относящихся к специфическим сторонам эстетического восприятия.

В А. Паульсен-Башмакова в докладе (28/IV 1927 г.) на тему: „Восприятия формы в связи с движением“ представила результаты предварительных опытов, произведенных ею для выяснения феномена кажущегося движения, получающегося при некоторых условиях восприятия геометрических фигур, и указала значение этого феномена для художественного восприятия и творчества, имея в виду продолжить впоследствии исследование этой проблемы при более совершенных технических возможностях.

В совместном заседании с Комиссией по изучению восприятия пространства был заслушан доклад (19/V 1927 г.) А. Н. Залесской на тему: „Эстетическое воздействие геометрических фигур“, основанный на серии проведенных ею экспериментов. Для этих экспериментов автор сконструировал прибор, дающий возможность самому испытуемому варьировать соотношение сторон в геометрических фигурах (четыреугольник и лежащий на одной из его сторон треугольник) и устанавливать наиболее нравящиеся соотношения. Количественное определение оптимальных зон положительных оценок составляло основную задачу и результат исследования. В обсуждении указывалось на необходимость введения дополнительных опытов, применяющих методику впечатлений, предлагаемых испытуемому для пассивной оценки, и некоторого усовершенствования в постановке экспериментов по избранному автором методу и обработке их результатов.

В. А. Паульсен-Башмакова в другом сообщении (26/V 1927 г.) на тему: „Конкретное действие трансформируемых цветов“ доложила результаты опытов, произведенных ею совместно с С. В. Кравковым. Опыты предлагали испытуемым для восприятия серые кружки на фонах поверхности, окрашенной зеленой краской. Результаты показали, что субъективное различие в восприятии фонов не вносит изменений в восприятие контраста между кружком и фоном, подтверждая, таким образом, на работе с хроматическими цветами теорию периферической обусловленности контраста, выдвинутую Катцем в опытах с серыми фонами.

С. А. Жекулин, исходя из мысли, что для построения размеров в пространственных искусствах необходимо знание норм

восприятия размера по абсолютному впечатлению, провел экспериментальное исследование, результат которого доложил в сообщении (8/VI 1927 г.) на тему: „Нормы при восприятии и воспоминании размера (по абсолютному впечатлению)“. Докладчик указал размеры как оптимальный для восприятия и воспоминания, так и те, при которых обнаруживается тенденция к преувеличению или преуменьшению.

Истекшее полугодие дало значительное число разработанных планов новых исследований. Планы эти были заслушаны и приняты в заседании сотрудников Лаборатории.

В области цветового восприятия П. В. Ванециан разработал план исследования на тему: „О гармонических и композиционных соотношениях в области цвета“, а Н. Ю. Говсеева „О влиянии цветовых впечатлений на дыхание“. В области эстетики пространственных форм Е. С. Хинкис разработала план исследования на тему: „Принципы эстетического выбора простых форм“, а О. А. Черникова: „Об эмоциональном воздействии линий“. В разделе музыкальной психологии доложен и принят план исследований М. И. Медведевой: „О восприятии музыкальной симметрии у детей (в возрасте 10—14 лет)“ и Т. Е. Карповцева „О ритмической оформленности интервалов“. План исследования, представленный (14/IV 1927 г.) В. Н. Ланиной на тему: „О психофизическом действии некоторых элементов лирических стихотворений“ и принятый лабораторией, представляет первую попытку лаборатории поставить исследование, относящееся к области литературно-художественного творчества.

Два названных выше проекта исследований (Н. Ю. Говсеевой и В. Н. Ланиной) делают попытку применить к изучению эстетического восприятия объективную методику физиологической симптоматики психических переживаний (в данных случаях получение пнеймографической кривой). Техническая возможность для реализации этой попытки появилась в лаборатории в связи с получением из-за границы кимографа и приборов для записи дыхательной кривой.

Для работы П. В. Ванециана автором исследования сконструирован собственный прибор, а Т. Е. Карповцевой построено приспособление для получения акцентированных и неакцентированных звуков для фортепиано.

В истекшем полугодии лабораторией совместно с Философским отделением поставлен еще один доклад в плане серии докладов, подводящих принципиальную базу под работы лаборатории. В. М. Экземплярский прочел доклад (17/IV 1927 г.) на тему: „Дифференциально-психологический подход к изучению проблем эстетики“. Докладчик отметил все возрастающее внимание к дифференциально-психологическим исследованиям в области эстетики и искусствознания в мировой литературе в наши дни, указал ряд исследований Психофизической лаборатории.

дающих материал в этом направлении, и, подчеркивая необходимость систематического применения дифференциально-психологического исследования при изучении проблем эстетического восприятия и художественного творчества, охарактеризовал содержание относящихся сюда вопросов, трудности, стоящие на пути применения названной точки зрения, и вместе с тем подчеркнул важность дифференциально-психологических исследований, уже и сейчас проливающих свет на значение некоторых эстетических теорий.

В обсуждении высказано было признание ценности выдвинутого докладчиком пути исследования и особенно подчеркнута была важность исходения в исследованиях от целого художественного произведения, для чего является необходимостью в тщательном анализе продуктов художественного творчества, употребляемых в качестве раздражителя в психологическом эксперименте. Вследствие этого признана желательной совместная консультация работников лаборатории и членов Комиссии по философии искусства по вопросам анализа художественных произведений для экспериментальных работ.

Хореологическая лаборатория

Хореологическая лаборатория ГАХН за период январь — июнь 1927 г. имела 14 научных заседаний, которые распределяются следующим образом: по I разделу плана работ, общей проблематике искусства движения были посвящены 3 заседания; на них рассматривался принципиальный вопрос о художественной пропаганде, агитации и рекламе посредством зрелища художественного движения. Был заслушан доклад А. И. Ларионова — „Художественная реклама движения“, иллюстрированный „Рекламными танцами“ — И. Дубовской; далее, был заслушан совместный доклад А. А. Сидорова и А. И. Ларионова — „Художественная пропаганда движением,“ организованный в гос. школе им. А. Дункан и иллюстрированный революционными танцами в постановке А. и И. Дункан. На заседании было отмечено, что художественное движение является чрезвычайно действительным средством массовой пропаганды и агитации и указано на необходимость параллельного изучения способов оформления художественного зрелища и приемов художественной рекламы. Заседания были проведены совместно с Кабинетом изучения художественной пропаганды при ГАХН. На третьем заседании данного раздела были заслушаны доклады А. А. Сидорова „Проблема фото-сценария“ и М.С.Гутовской — „Анализ фото-сценарного движения“, которыми устанавливалась возможность нового вида художественного движения сценарного типа, формально-промежуточного между театральным и кинематографическим зрелищем.

По II — III разделу, именно, координации художественного движения к его временно-пространственным формам, был заслушан доклад А. И. Ларионова — „Архитектоника художественного движения“, в котором устанавливалась архитектурная закономерность каждого вида художественного движения, построенная на специфических законах симметрии расположения материала в пространстве и времени и была выведена своеобразная циклическая структура движений художественных, физкультурных и рабочих. К этому же разделу относится совместное заседание с РФО, с докладами А. А. Сидорова и А. И. Ларионова, посвященными „Научным и художественным итогам III Выставки искусства движения“, на котором были изложены результаты работ Лаборатории по изучению архитектуры движения и произведена художественная оценка экспонатов выставки.

По разделу IV, изучению систем записи движения, были заслушаны следующие доклады: Н. Я. Мальцева — „Принципы записи пластического движения“, Н. С. Познякова — „Аналитическая система записи движения“, а также Т. Д. Фаддеева — „Фото-запись движения“, а также было организовано заседание, посвященное параллельной записи одного и того же движения по системам А. А. Сидорова, Н. С. Познякова, Н. Я. Мальцева и Е. В. Яворского. Результаты были сравнены с кинозаписью этого же движения, что дало возможность установить сравнительное значение фото-механической и графической системы фиксации движения.

По V разделу, нормализации техники художественного движения, был заслушан доклад В. В. Никитина-Горского — „Жест, как орудие актерского творчества“ (с демонстрацией, организованной Хорео-отделением МГТТ им. А. В. Луначарского и Кино-курсами им. Чайковского).

По разделу VI плана, изучению стилей художественного движения, были заслушаны следующие доклады: М. П. Улицкой — „Танец индустриальной эпохи“, с демонстрацией опыта постановка массового художественного движения на основе индустриальных движений и ритмов; Н. Г. Александровой — „Массовая ритмическая пляска“, с демонстрацией новых постановок клубных коллективных танцев; наконец, доклад О. Ф. Амосовой — „Религиозные танцы лам в Танна-Туве“, был посвящен малоизвестным театрално-ритмическим праздничным зрелищам дружественной нам Республики (заседание было организовано совместно с Кабинетом восточного театра при Ин-те изучения культур восточных народов СССР), а доклад Е. Т. Бодянской — „Проблема реконструкции стиля в искусстве движения“ ставил проблему научной археологическо-художественной реконструкции древних стилей движений, в частности — античного.

За указанный период времени производились также экспериментальные занятия под руководством А. И. Ларионова и А. А. Сидорова.

Под руководством А. И. Ларионова было проведено 18 занятий, по следующим, намеченным в плане, разделам:

По вопросу изучения явлений симметрии движения был продолжен анализ ряда гимнастических систем, выполнен анализ всего наличия балетных движений (как балетной гимнастики, так и художественных движений) и анализ нескольких трудовых процессов. По вопросу изучения архитектоники движения, на основании разработанных материалов, было выполнено 19 диаграмм, иллюстрирующих законы композиции движения. Диаграммы эти были представлены на III выставке искусства движения, а общие результаты сведены в докладе А. И. Ларионова — „Архитектоника движения“.

Была продолжена работа по реконструкции стилей движения, в частности выполнены модели костюмов Эгейской культуры, а равным образом произведен опыт циклографической зас'емки траекторий перехода из характерных положений тела, свойственных архаическому искусству Греции. Для этого была изготовлена специальная аппаратура, а рассмотрение циклограмм показало, что они отчетливо отмечают узловые переломы направления движения, что имеет большое значение для изучения движения.

Был составлен библиографический перечень сочинений на русском языке, касающийся вопросов искусства движения. Перечень заключал в себе более 500 наименований отдельных работ. Для перечня была разработана схема библиографической классификации означенного материала, вообще отсутствующая как в русских, так и в иностранных библиографических репертуарах.

Наконец, были произведены предварительные опыты по изучению влияния цветности (костюма, декорации, освещения) на художественное движение.

В отношении фото механической фиксации движения следует отметить демонстрируемые в лаборатории: изобретенный Л. М. Сытиным, новый затвор фото-аппарата, работающий синхронно с взрывателем осветительной смеси, что дает возможность снимать любое движение при вечернем освещении и сконструированная д-м Т. Д. Фаддеевым кассета к фото-аппарату, дающая возможность получать до 14-ти отдельных изображений на одну пластинку, что значительно снижает стоимость фото-документации движения.

В экспериментальных работах Хореолоборатории принимали участие: О. С. Лизгунова, Е. С. Бодянская, Т. Г. Феоктистова и О. Г. Шахова.

Под руководством А. А. Сидорова были продолжены занятия по изучению композиции нового вида художественного движения, сценического типа, разделенных во времени, но формально увязанных в одно художественное целое единой линией движения.

В январе 1927 г. Хореологической лабораторией, совместно с Высшим советом физической культуры, Кабинетом восточного театра при Научно-исследовательском ин-те нац-этнич. культур народов востока СССР, Фото-кабинетом ГАХН, Русским фотографическим о-вом, Гос. школой им. А. Дункан, Гос. школой „Искусство движения“ и др. была организована 3 очередная выставка „Искусство движения“. Выставка распадалась на два отдела: научное изучение движения, представленное в ряде архитектурных схем, графиков, диаграмм записи движения, реконструкций древних видов движения и т. д. и художественный отдел, представленный многочисленными образцами фото-фиксаций трудовых, художественных и физкультурных движений. Для выставки был издан специальный каталог.

За отчетный период имело место 8 совместных заседаний с Секцией по изучению пляски при НТК ВСФК. Из наиболее важных предметов заседаний можно отметить нижеследующие: просмотры народных плясок чехо-словацких, обще-кавказских, армянских, плясок Вятской губ. далее, был поставлен вопрос о словесном обучении пляскам и проведен ряд экспериментов в данном отношении на активе комсомола Пресненского района. При этом обнаружилось, что словесная запись пляски, предложенная рядом режиссеров, не пригодна для условий клубной работы, а потому решено произвести обратный опыт, именно записать движения пляски со слов клубных посетителей, чтобы выработать, таким образом, коллективно-понятную терминологию движения. Разрабатывался вопрос о проведении ряда публичных дискуссий по вопросам клубного танца, вопрос о обучении пляски по радио, вопрос о проведении конкурса по пляске. Секция организовала доклад и широкую демонстрацию пляски на расширенном пленуме советов физкультуры при ВСФК, имевшем место 6/IV-1927 г., на котором работа секции получила одобрение и было вынесено постановление об организации специальной лаборатории для изучения физкультурного значения пляски, с тем, чтобы эта работа в художественном отношении была увязана с работой Хореолаборатории ГАХН.

Научно-показательная часть

Научно-показательная часть, осуществляя возложенные на нее функции, направляла в периоде с I/I—15/VI 1927 г. свою деятельность по нижеследующим разделам.

I. Организация научно-показательных вечеров и лекций в стенах Академии (поэзия, музыка, пение и т. п.), некоторые из этих вечеров сопровождалась приуроченными к ним летучими выставками-однодневками.

II. Организация выставок в стенах Академии.

III. Участие в организации вечеров вне стен Академии, в связи с особыми приглашениями.

IV. Организация выступлений работников Академии в порядке культобслуживания рабочих и профессиональных клубов. Недостаток активности со стороны мест отразился на сравнительно незначительной работе в этой области.

По вышеозначенным разделам Н. П. Ч. организовала нижеследующие выступления.

1. Лекция проф. В. Зуммера (27/I): „Искусство Азербайджана (61 чел.).

2. Украинский вечер (31/I).—Речи Ю. М. Соколова, Ю. А. Самарина. В исполнительской части—ансамбль кобзарей под управлением В. Шевченко. (прис. 140 чел.).

3. Музыка народов СССР. (11/II).—Доклад А. М. Абрамова. В исполнительской части т. т. Шеффердинов, Гили-Ербалиев, Меликов, С. Садыкова, Муртедин (прис. 137 чел.).

4. Вечер художественного чтения (24/II).—Вступительное слово О. Э. Озаровской. В исполнит. части—О. Э. Озаровская, Е. Ф. Сарычева, М. Ф. Чуйко и др. (прис. 142 чел.).

5. Вечер ашугов (4/III).—Речь Н. Ф. Яковлева. В исполнительской части—А. Н. Глумов, С. С. Каспарбек, И. А. Тарханов, А. М. Бабуров, О. А. Зарифе и т. Гаспарьянц (прис. 307 чел.).

6. Вечер памяти Гоголя (14/III).—Речи П. Н. Сакулина, Е. К. Гудзия. В исполнительской части: А. Н. Глумов, В. А. Подгорный, М. А. Скрябин, М. М. Блюменталь-Тамарина, Н. Ф. Красовский, В. А. Филиппов. (прис. 234 чел.).

7. Вечер чувашского искусства (17/III).—Речи Б. М. Соколова, Д. С. Максимова, Т. Д. Алексеева. В исполнительской части—хор чувашских студентов, А. И. Токсана, Т. Т. Васянка, Тахти, Викторова. К вечеру была устроена выставка (прис. 212 чел.).

8. Вечер памяти Мусоргского (23/II). Речь В. В. Яковлева. В исполнит. части арт. студии К. С. Станиславского (прис. 183 ч.)

9. Вечер памяти Бетховена (26/III). Речи: В. М. Беляева, З. Ф. Савеловой, К. А. Кузнецова. В исполнительской части — Г. Г. Нейгауз, т. Медведь и участники хора Чеснокова (прис. 133 ч.)

10. Лекция Л. Дюртена (10/IV). — „Два лица Америки“. Вступительное слово Ж. Дюамеля (платный вечер).

11. Вечер памяти Т. Шевченко (19/IV) — Речи: В. Л. Львова-Рогачевского, Н. К. Гудзия, А. В. Бакушинского. В исполнительской части: В. Е. Макарова-Шевченко, народные певцы-бандуристы (прис. 120 чел.).

12. Вечер итальянской музыки XVII—XVIII вв. Речь — К. А. Кузнецова. В исполнительской части — Б. Л. Жилинский, В. С. Кузнецова (вечер был 30/V).

13. Лекция Н. Д. Волкова: „Театральная Москва — сегодня“ (Итоги театрального сезона). (Прис. 95 чел.)

II. 1. Иконографическая и библиографическая выставка в связи с Гоголевскими днями (совместно с Библиологическим Отд. ГАХН). (Посет. около 1000 чел.).

2. Техника стенописи (совм. с Секц. пространств. искусств) (Пос. 1013 чел.).

3. Рисунки украинских крестьян (совместно с п/о. Крестьянского искусства). (Посет. 360 чел.).

4. Мировая периодическая кино-литература (был 28/V).

III. Вечер памяти артиста Н. Х. Рыбакова (50 лет со дня смерти) в Центральном доме Рабис (29/XI—26 г.): речь — Н. Л. Бродского. В исполнительской части артисты ГАМТН. К. Яковлев и М. Ф. Ленин (прис. 130 чел.).

IV. Установлена связь с Культотделом МГСПС, Райкомом Хам. ВКП (б), с Ц. Д. Рабиса, с клубом Рабкрин, с замоскворецким клубом Рабпроса и др. Состоялись радио-лекции (в Культотделе МГСПС):

1. В. Л. Львов-Рогачевский — Литература рев. эпохи (25/III).

2. „ „ — Искусство и общество (30/III).

3. Н. Л. Бродского — Пушкин и литература наших дней (18/V).

4. В. А. Филиппова — Актер и его ремесло (25/V).

Состоялись лекции в замоскворецком клубе Рабпрос: Д. С. Усова: „Современная Западная литература“ (прис. 35 чел.).

По просьбе клуба Рабкрин Н. П. Ч. командировала Д. С. Усова для ведения еженедельного семинария на тему „Современная русская литература“ (прис. 15 чел.).

Следует также указать, что организациям, с которыми Н. П. Ч. установила связь, а также учреждениям и нарксматам, заинтересованным в вечерах, регулярно посылаются приглашения а в отдельных случаях и плакаты-извещения на все вечера и лекции, организуемые в стенах Академии.

А. В. Голдобин

(1882 — 1927)

Покойный А. В. Голдобин относится к типу немецких дореволюционных работников кино, имевших разносторонние культурные интересы, большой интеллектуальный багаж и четкую общественную физиономию. Деятельность его с раннего возраста (16 лет) начинается последовательно в области музыки (виолончелист, затем капельмейстер и дирижер), журналистики (революционные журналы 1904 — 1905 г. г. и газеты) и, наконец, кино (с 1910 г.). Один из первых в России он понял огромные перспективы кино и его культурное и просветительное значение. В значительной мере под этим углом понимания и интереса к кино проходит почти вся дальнейшая деятельность А. В. Голдобина. С 1910 г. он путешествует в течение полугода по разным городам России, читая цикл лекций на тему: „Кинематограф и его просветительное значение“. В 1914 году он организует Отдел научного кинематографа в торговом доме Лавцевич и Ремер, где руководит производством научных лент. В 1916 г. он приглашается заведующим кино-фабрикой „Русь“ (М. С. Трофимова). С начала 1917 г. А. В. Голдобин работает в профсоюзе кино-работников и в дальнейшем способствует образованию Союза Рабис. Вскоре после Октябрьской революции он входит официально в партию и с этой поры ведет чрезвычайно напряженную и ответственную работу, как руководитель многих учреждений. После краткой работы в ВСНХ на должности члена правления полиграфической промышленности, он переходит в РОСТА в 1919 г. и вскоре становится заместителем ответственного руководителя РОСТА т. Керженцева. Откомандированный в Крым, после занятия его Красными войсками в 1920 г., он становится во главе Крымроста и „Крымиздата“, занимая в то же время ряд ответственных должностей по Наркомпросу, Всерабису (член правления), Драмтеатру, консерватории, не говоря уже о партийной работе (Зав. п/о печати агитпропа ОК, секретарь ячейки и т. д.). Уже перенапряжение по этой работе на 18 должностях, зачастую по 18 — 20 часов в сутки в обстановке только что освобожденного от интервенции Крыма подорвало здоровье А. В. Голдобина.

В ноябре 1923 г. он отзывается ЦК ВКП(б) в Москву для работы по кино и назначается членом правления Госкино и директором производства, которое при нем начало вновь функционировать (восстановление фабрик и выпуск первых картин).

С зарождением идеи организации АРК он участвует в группе его основателей. Все время он продолжает сотрудничать в ряде газет и журналов в том числе, в последние годы, и по вопросам кино в кино-изданиях („Кино неделя“, „Советское кино“ и т. д.). Во время похорон В. И. Ленина он состоит председателем объединенной комиссии кино-организаций по с'емке похорон Ленина, а после ухода Кадомцева состоит некоторое время председателем правления Госкино. В 1924 г. он становится во главе организованной при Гус'е Наркомпроса кино-секции, а с ее переходом в Академию художественных наук продолжает быть председателем Кино-комиссии ГАХН, реорганизованной затем в кино-кабинет. Им написан ряд книжек по кино („Планист-иллюстратор кинематографических картин“ в сотрудничестве с Б. М. Азанчевым — Москва, 1912 г., „Кино на территории СССР“ — 1924 г., „Как писать сценарии для кино-картин“ — 1925 г.) Им же редактировались 2 книжки Госкино („Отчет Госкино“ и „Обзор деятельности“), выпущены были 5 томов „Обзора материала о кино“, помещенного в провинциальных газетах — на правах рукописей и др.

Последние полтора года тяжелая болезнь вынудила его к бездеятельности и приковала к постели. Ранняя смерть его (А. В. было всего 45 лет) вносит большую брешь в ряды немногих культурных работников советского кино.

Г. Болтянский.

Организация Кино-музея при ГАХН

Вопрос об организации Кино-музея поднят по инициативе Г. М. Болтянского еще в 1925 г. С октября 1926 г. при Кино-кабинете ГАХН была организована музейно-выставочная группа в составе: руководитель Г. М. Болтянский, секретарь М. М. Басов, А. Н. Телешов (кино-плакат и реклама), В. Д. Попова (по кино-фильмам), А. Д. Гринберг (по кино-аппаратуре), Б. П. Пахомов (по кино-библиографии), Л. М. Вейнер (от Муз. отд. Главнауки по вопросам кино-музейного дела и методики).

На отдельных заседаниях и по отдельным вопросам присутствовал и ряд других лиц. За весь академический год состоялось 23 заседания Музейно-выставочной группы. Из них: заседаний, посвященных методике кино-музейного дела — 4, заседаний, посвященных выставке мировой кино-литературы — 6; организации вечера „Истории фильма“, с участием ряда специалистов — 1; докладов на заседаниях прочитано — 6, из них: Г. М. Болтянский — 3 („План работы музейно-выставочной группы“, „Методика кино-музейной работы“, „Об устройстве вечера „Истории фильма“ и его содержании“); Б. П. Пахомов — 2 доклада („План создания библиотеки Кино-музея и „План устройства выставки мировой

кино-литературы"); А. Н. Телешов—1 („Проект положения о научно-охранном учете коллекций Кино-музея“). Кроме того, состоялось одно заседание Комитета по организации Кино-музея из представителей всех заинтересованных организаций и 3 заседания Бюро комитета по важнейшим вопросам. В разные организации и отдельным лицам было отправлено 82 письма (по вопросу о присылке материалов, хранении фильм, запросов, поручений и т. д.). Отпечатано 1 обращение, разосланное организациям и лицам. Составлено 2 доклада ГАХН и 3 доклада Главнауке (по запросу замнаркома В. Н. Яковлевой) Составлено положение о комитете по организации Кино-музея. Составлена общая по Кино-музею смета и смета и план по устройству фильмо-хранилища.

Получение материалов. Несмотря на отсутствие помещения для Кино-музея и наличие в распоряжении группы лишь возможностей ГАХН (шкафы, помещение часовни и др. места) было получено от отдельных лиц и др. организаций большое количество материалов

Из них не взяты за отсутствием помещения: 1) около 600 негативов и позитивов музейных кино-фильм, хранящихся и сейчас в Совкино за отсутствием фильмо-хранилища. Эти ценнейшие в историческом и техническом отношении художественные фильмы за весь период существования кино в России с 1908 г., отобранные из свыше, чем 5000 имеющихся названий; 2) большое количество музейной кино-аппаратуры свыше 100 названий, хранящейся сейчас на складе Совкино; 3) около 30 единиц аппаратуры, карт, диаграмм и литературы по работе кино в деревне, полученной по ходатайству перед Г. П. П. и находящейся до приемки ее на складе Г. П. П.; 4) всевозможные материалы, отобранные на фабриках Совкино для кино-музея; 5) разные материалы, подготовленные для Кино-музея и Межрабпом- усь; 6) разные материалы, не взятые по тем же причинам отсутствия помещения, у отдельных лиц и организаций.

Получены и заинвентаризованы: 1) 7 музейных кино-аппаратов из Госвоенкино; 2) 1500 плакатов, в том числе: дореволюционные, плакаты заграничных фильм, на советские картины и советские кино-плакаты; 3) 535 фотографий (ценных фото первых постановок в России, периода гражданской войны, иконографические и т. д.); 4) 60 книг и журналов; 5) 119 единиц по отделу документации ; 6) 4 макета; 7) 1 маска режиссера Бауэра. Кроме этих 729 заинвентаризованных предметов получено за последнее время еще дополнительно ряд материалов, не внесенных в инвентарь.

В плане методической работы разработаны формы записи и графы сведений о фильмах, формы записи фотографий и аппаратуры. Начат просмотр музейных фильм (позитивов). Состоялся

просмотр 8 музейных фильм. Заказан штамп, которым отмечаются все предметы, поступающие в музей. Инвентаризируются по форме, указанной ГАХН, все материалы Кино-музея. В плане выявления материала, работы и задач Кино-музея была организована большая выставка мировой кино-литературы (книжной и периодической), к открытию которой выпущен каталог выставки со статьями и статистическими сведениями.